

Евграф САВЕЛЬЕВ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ КНЯЗЯЧЕСТВА

Неведомая Русь

Евграф Савельев

Древняя история казачества

«ВЕЧЕ»

1918

Савельев Е. П.

Древняя история казачества / Е. П. Савельев — «ВЕЧЕ»,
1918 — (Неведомая Русь)

Кто такие казаки? Потомки беглых крепостных, одно из сословий старой России, как обычно утверждает академическая наука? Или же их предки (по крайней мере часть из них) испокон веков жили в тех же самых краях – на Дону, на Кубани?.. Именно такой позиции придерживается автор этой книги – историк казачества, писатель и краевед Евграф Петрович Савельев. Привлекая колоссальный по объему фактический материал, со страстью и убежденностью истинного патриота он доказывает, что культура казачества во многих своих проявлениях уходит в глубины тысячелетий, что казаки – не случайные пришельцы на своей земле.

Содержание

Историк, казак и провидец	6
Вместо предисловия	9
Часть I. Предки казачества	13
Глава I. Взгляд историков на происхождение казаков	13
Глава II. Краткий обзор современных народов Северного Кавказа	20
Глава III. Черкесия и ее прошлое	28
Глава IV. Кто были скифы-сарматы?	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евграф Савельев

Древняя история казачества

©Савельев Е.П., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Историк, казак и провидец

Известный и прославленный своими трудами по древней и современной истории казачества писатель и краевед Евграф Петрович Савельев родился 18 декабря 1860 года, а кончил свои дни в 1927 году в Новочеркасске. Он был свидетелем последнего расцвета, а также заката Российской империи.

По его семье также прокатилась Гражданская война. Так, старший сын Александр сражался в белой армии, туда же была призвана врачом дочь Валентина, а младший, Василий, был комиссаром в Красной армии. И потом его семью разметала судьба по всему белу свету, потомки Евграфа Петровича теперь живут в Балкарии и Болгарии, а также в Германии и Венесуэле.

Вообще о жизни писателя, а особенно о последних годах, известно немного. Остались только напечатанные еще в царской России книги и статьи, а все его работы последних десяти лет жизни напечатаны не были и пропали уже в огне Второй Мировой войны.

В отечественной историографии имя Е. П. Савельева осталось благодаря фундаментальному труду «Древняя история казачества», напечатанному в трех томах с 1915 по 1918 год в Новочеркасске.

При советской власти он не переиздавался, сохранились и с великим трудом были отысканы всего несколько экземпляров от первого издания. Они были воспроизведены репринтно (Ростов-на-Дону, 1990), а теперь многократно переизданы и получили широчайший отклик в России. Этот труд и воспроизводится в настоящем издании. Представляют несомненный интерес и другие его работы, такие как «Очерки истории торговли на Дону» (1904), «Атаман М. И. Платов и основание Новочеркасска» (1906), «Типы донских казаков и особенности их говора» (1908) и др.

Особенно продуктивным периодом его творчества были годы, когда в стране уже разгорался революционный пожар. В 1917–1918 годах вышли кроме последних томов «Древней истории...» также «Войсковой круг на Дону как народоправление», «Булавин и Некрасов», и еще пьеса в стихах «Гибель Чернобога», где есть и размышления о политических идеалах и мироустройстве: о «воле казачьей», о традициях «казачьего круга», как древнем вечевом народоправстве. Здесь Е. П. Савельев рассказывал о том, что во все века казаки отстаивали идеалы вольной жизни, и потому не дали закрепостить себя.

А в настоящем он видел как бы эхо от прошлого, повторяющуюся из века в век со времен языческих и ведических великую мистерию борьбы добра со злом.

Так, в «Гибели Чернобога» (1917), напечатанной, между прочим, в Донской епархиальной типографии, власть над миром захватывает древний бог тьмы и зла, коему служат его жрецы, также судейские, дьяки и проч., а низвергает все зло во тьму сам Баян – *«витязь светозарный, с великой, сильною душой, народу Богом Света данный, с горящей, огненной звездой на златокованном шлеме, рожденный Светом от Зарницы, прекрасной, юной Царь-девицы из массагетских теплых стран...»*.

Поразительно, но так Е. П. Савельев провидел не только символы грядущей революции (звезды на шлемах-буденовках появятся позже), он здесь по сути пересказал древнюю мистерию борьбы князя алан-казаков IV века Буса Белояра и сына его Баяна, потомков Солнцебога Яра и Зари, против бога тьмы Каранджеля-Чернобога. А ведь эта история была известна в то время немногим посвященным в православно-ведическую, ведославную, традицию.

Тогда же Е. П. Савельев, как археолог, искал и исследовал святилища пятигорских черкас, предков донских казаков, на развалинах близ Пятигорска и священной горы Бештау, о чем сообщил в заметке «Храм солнцепоклонников на горе Бештау». Ведь именно здесь расположены главные святыни ведославной традиции, включая Бусов курган.

Всю жизнь Евграф Петрович немало средств, времени и сил тратил не только на исторические труды, археологические раскопки. Он также мечтал вырастить на Донской земле яблони с необычно крупными яблоками, следуя и здесь древней традиции «украшения земли». Он видел, что заброшенные сады, превратившиеся за столетия в буйно разросшиеся рощи диких яблонь и алычи, окружают развалины величественных аланских-казачьих городов в Древнем Пятигорье. И за это советские историографы с усмешкой называли его «историком-садоводом».

Все мысли историка-патриота всегда были обращены к поиску истоков казачества, как древнейшей и самобытной части русского народа, сохранившей идеалы предков: ведических ариев, саков, массагетов, алан, сарматов-роксалан. Само возникновение имени казаков он относил в глубь веков, возводя его к самоназванию арийцев, как *Азов-Саков*, *али Асов*. Важно вспомнить, что и сам Будда Сакья-Муни, основатель буддизма, был князем из рода саков-сакиев. Да и Буса Белояра «Велесова книга» именуется Будаем, то есть Буддой. Христиане же первых веков в князе Бусе Белояре видели образ Христа.

Античной истории известны близ Каспия и к северу от Черного моря бесчисленные племена саков, массагетов, асов-роксалан. А потом, в Средневековье, – яссов, касогов, торков, подонских бродников, именуемых общим именем черных клобуков. В «Велесовой книге» эти народы именуются *русколанами*, также «белогорами», «белоярами», «новоярами» и иными именами.

Русские летописи упоминали, что черные клобуки назывались также черкасами и казаками. И многие историки казачества полагают, что общее имя казаков образовано от сочетания имени племени саков (олений-сохатых) с приставкой «кос» («кас») – «белый». Получается: «белые олени». Заметим, древний герб Войска Донского – «Елень пронзен стрелой», изображает белого оленя с черной стрелой в спине.

И, разумеется, глубоко чужды были Е. П. Савельеву, как и иным казачьим историкам-патриотам теории, рассматривающие казачество как «беглых крепостных», либо «сброд людей разных народностей», согласно принятой большинством современных историков доктрине.

Но тут следует заметить, что в начале XX века подобные теории оспаривались многими и вовсе не были общепринятыми. Их активно поддерживали лишь «норманисты», приверженцы западной исторической школы, выдававшие свою точку зрения за официальную. А у Запада всегда были свои интересы на Кавказе – и экономические, и политические. И потому историки-норманисты выступали, как «агенты влияния», коим было важно ослабить позиции геополитического противника и конкурента.

К сожалению, наследники этого направления, а также сродные им «хазароведы», уже заняли главенствующие позиции в российской академической среде, но в те годы им мощно противостояли славянофилы и антинорманисты.

Можно, к примеру, назвать имя Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920), автора многих научных трудов, а также гимназических учебников, который также отстаивал древности Черноморо-Азовской Руси и видел предков русских и казаков в роксаланах и аланах. Именно его точка зрения была в те годы официальной.

Так что труды Е. П. Савельева не были такими революционными в области историографии, как они воспринимаются теперь. Их ценность прежде всего в том, что он привлек для отстаивания истинной истории наших предков множество важных источников, древних казачьих преданий, а также в том, что вступил в борьбу с оппонентами без страха и оглядки на ложные авторитеты.

За эту смелость и вольномыслие, и прежде всего за прямую критику самодержавия – в Чернобоге и его присных нетрудно увидеть карикатуру на царя и его окружение – ему даже, как говорят старожилые казаки, грозило заточение в Петропавловской крепости. Потому и сын его, Василий, ушел «в революцию», к красным.

Но и это не помогло признанию его трудов новой, большевистской властью, оказавшейся еще более консервативной в вопросах истории, чем прежняя, опасавшейся силы и независимости казачества, помнившей о том, что эта история получила статус официальной в 1918–1920 годах при создании казачьей республики в области Всевеликого войска Донского. Хорошо еще, что сам Е. П. Савельев не попал потом под репрессии и «расказачивание».

Конечно, Евграф Петрович в своих книгах спорил несколько более эмоционально, чем это принято в исторических кругах, а также он чрезмерно вольно использовал метод символической этимологии, представлял и народное, чисто казачье, видение исторических проблем, но тем не менее этот спор был вполне научным, ведущим к истине.

Опорочивание имени и трудов Е. П. Савельева привело к тому, что важное направление в исследовании исторического прошлого как казачества, так и всей индоевропейской расы было осмеяно и отвергнуто.

Отрицательные и категоричные выводы были сделаны несмотря на то, что изучение и научное обоснование этой теории находилось тогда в самом зародыше и естественно не могло на равных соперничать с устоявшимися, «отшлифованными» теориями, на деле не имеющими к реальной истории русского народа никакого отношения.

И важно, что ныне труды сего подвижника вновь входят в общественное сознание и научный обиход. Ведь именно так, заинтересованно, «кровью сердца» и должна писаться истинная история предков.

И здесь следует напомнить слова П. Е. Савельева: *«Тот, кто собирается писать историю, должен посвятить многие годы на соби́рание всего того, что может просветить его ум по избранному предмету... Для этого нужна бесконечная начитанность, любовь к избранному предмету, а, главное, к народу, историю которого собираешься писать...»*

А. И. Асов, 2007 г.

Вместо предисловия

(Как нужно писать историю)¹

История казачества, в том числе и Донского, еще мало разработана, а потому казачье население в массе своей о великих делах предков своих знает очень немного: о первоначальном же происхождении этого народа не имеет ни малейшего представления, если не считать ни на чем не основанных легенд, дошедших до нас изустным преданием или записанных и необдуманно принятых за достоверные факты некоторыми легковыми историками. Письменных памятников о древностях казачества очень немного, да и те разбросаны по разным, мало изученным, русским и иностранным архивам и библиотекам; доступные же изучению русские летописные сказания говорят о казачестве весьма сбивчиво, а в большинстве случаев почти совсем о том замалчивают. Донской архив, в котором, надо полагать, было немало ценного материала по данному вопросу, сгорел дотла в гор. Черкасске в 1744 году.

Читатель скажет, что это все давно забытые дела и вспоминать о них нет никакого интереса и смысла. Но это далеко неверно. История есть результат человеческих опытов; опыты же мы можем забыть лишь тогда, когда мы в них более не нуждаемся, между тем как мы еще и теперь на каждом шагу наталкиваемся на такие факты, которые нам непонятны с современной точки зрения, но могут быть объяснены лишь историей. К ним мы можем отнести, с одной стороны, проявление отличительной народной гордости, стремление к властвованию, вероисповедной терпимости и национальной обособленности, наряду с непросвещенностью масс; с другой – часто до поразительности быстрый и устойчивый культурный рост народа с прогрессивным стремлением к владычеству над другими национальностями не путем насилия и страха, а науки, искусств и вообще культурно-экономического превосходства над остальными.

Взвесить, оценить, объяснить и осветить все это может нам лишь только история.

Историк должен быть беспристрастен, объективен и независим. Это самые главные его достоинства. Без этих качеств из-под пера его выйдет не правдивая история данного народа, в научном смысле, а пристрастный рассказ о жизни одного, с порицанием или умалением исторического значения другого. Такая история для науки значения иметь не может. Начинаящий историк должен это помнить. Скрывать, извинять и замалчивать требующие порицания действия исторических личностей – это значит затемнять ход жизни народа и его стремление к будущему. Говорить во всеуслышание, раскрывать злоупотребления и бороться с ними – дело науки, которая должна быть руководительницей в нашей жизни. Благородные мыслители и исторические деятели должны трудиться над развитием человеческой культуры и утверждением нравственных воззрений в обществе, которое в этом случае должно быть единомыслящим на пространстве всего культурного мира.

Ничто так рельефно не рисует степени культуры пишущего класса, а также умственного и нравственного состояния самого народа, как его историческая литература. Из всех предметов, в которых упражняется перо, эта часть самая трудная и может назваться настоящим мерилем начитанности и учености писателя, его чувств и понятий. В этом труде отражаются в полном свете и его собственные познания, и мнения, и нравственный облик, и, наконец, искусство, приобретенное навыком и упражнением, побеждать свои страсти, свою самонадеянность, свои и чужие предрассудки в пользу истины и общего блага.

Может ли Донское казачество похвалиться по части исторической литературы?

---

¹ В книге частично сохранены орфография и особенности словоупотребления оригинала. – *Примеч. ред.*

К сожалению, у нас на Дону такой литературы слишком мало, хотя уже достаточно собрано материала для истории этого войска.

Донские казаки, в большинстве случаев, не знают даже, кто были их предки, откуда пришли и почему они называются казаками. Они знают только, что деды их и прадеды издавна служили Российским Государям и за верную службу получали от них разные льготы, привилегии и жалованные грамоты на владение принадлежащими им ныне землями и угодьями. Вот и все. Вообще у нас на Дону, не говоря уже о массе казачества, малограмотной и даже неграмотной, и в интеллигентной среде историей интересуются мало и книги по историческим вопросам расходятся слабо. А вопрос об истории казачества поднимался некоторыми истинно любящими свою родину не раз, даже были попытки и к составлению истории, но труды эти вообще страдали недостаточной разработанностью исторического материала и неудачными заимствованиями и подражанием другим историкам, мнения и выводы которых, иногда заведомо неверные, принимались как положительные данные и целиком вносились в эти труды. Поднимался вопрос и о происхождении казачества, но дальше предположительных выводов он не шел, а выводы эти были: «Донское казачество, по всей вероятности, происхождения неблагородного, – оно образовалось из беглецов разных областей Московского государства» и т. д. (Карамзин); или «в Придонских степях собирается (в XV в.) вольница из русских беглецов-разбойников»... (Иловайский).

Местные историки упускали из виду, что история целого государства не есть история его окраин. У историков государства задачи были совсем другие, чем у историков, пишущих историю какого-либо народа, вошедшего в состав этого государства. Там история окраин приносилась в жертву центра, выдающиеся события и стремления окраин замалчивались или объяснялись с точки зрения центра, даже иногда порицались, как сепаратные. Так, например, в русской истории при покорении царем Иваном Васильевичем Грозным Казанского и Астраханского царств о казаках упоминается лишь вскользь, говорится мельком, между тем как, по достоверным историческим данным, в покорении Казани их участвовало от 6 до 7 тысяч. Пусть это были казаки Рязанские и Мещерские, но достоверно и то, что там была и донская конница. Казаки, как люди ратные, более других были знакомы с употреблением пороха и искусством осады крепостей, а потому при подкопах и взрыве казанских стен они играли первенствующую роль и первые ворвались в проломы крепости. Такую же первенствующую роль они играли и при покорении царства Астраханского. «Сведая о том, что царь Иоанн решился покорить царство Астраханское, Донские казаки, пламенея доказать усердие свое к Государю, приговорили в кругу своем вспомоществовать ему. Почему знатная их часть, под начальством походных атаманов – Павлова и Ляпуна, пошли к Переволоке и, дождавшись тут царских войск, шедших Волгой под предводительством князя Вяземского, присоединились к оным», говорит российский историк. И только. Летописи же об этом событии говорят, что, когда московские войска еще продолжали плыть Волгой, а часть их, высадившись на сушу, медленно подвигалась правым берегом реки к Астрахани, казаки, составляя передовой отряд, под Черным островом нанесли такое поражение Ямгурчею, астраханскому царю, что тот бросил город и расположился станом в 5-ти верстах ниже него. При вторичном поражении казаками он с остатками своих войск ушел в степи и, преследуемый атаманом Павловым на расстоянии более четырехсот верст, успел вскочить в Азов только с 20-ю всадниками. Князь Вяземский занял Астрахань без боя.

Российский историк честь покорения Астрахани всецело приписывает царю Иоанну Грозному и его полководцу князю Вяземскому; историк же Донского казачества в подобного рода событиях, не умаляя деятельности и стремлений Российских Монархов к объединению страны и покорению ее врагов, должен быть более самостоятельным и постараться о казаках сказать правдивую и подробную повесть, не подражая первым и заимствуя от них только то, что, по проверке, действительно является ценным.

Труды наших донских историков обнаруживают и еще один общий недостаток – это отсутствие критических приемов исторических исследований или слишком одностороннее отношение к такому труду.

Исторические творения считались и считаются всегда результатом необыкновенного трудолюбия, терпения, прилежных изысканий, долгих соображений, обширной учености и тщательно обработанной мысли. Тот, кто собирается писать историю, должен посвятить многие годы на соби́рание всего того, что может просветить его ум по избранному предмету; должен сличить все тексты, сблизить все отголоски одного и того же известия, взвесить все сопряженные с ним нравственные и физические обстоятельства; должен преследовать его не только на родной земле, но и за пределами ее, до последнего эха, прозвучавшего в бытописаниях разных народов; должен проникнуть во все доступные источники, не пропустить ни одной строчки, не увидев ее собственными глазами и не взвесив собственным беспристрастием. Первая обязанность в таком случае – знать, где искать; вторая – уметь находить. Для этого нужна бесконечная начитанность, любовь к избранному предмету, а главное, к народу, историю которого собираешься писать². Нужно родиться среди этого народа, долго жить с ним, изучить его нравы и обычаи, язык, песни, игры, поверья и исторические сказания в виде народного эпоса; нужно изучить антропологию народа и все археологические памятники данной местности. История без сравнительного языковедения, антропологии и археологии будет не полна, сбивчива и не точна, а потому и не может представить действительной картины жизни прошлого. Лингвистика ищет родственность народов в сродстве корней их первоначального языка; история культуры в связи с археологией – в общности культа; антропология же ищет родство народов в общих чертах их физического строения, в устройстве черепа и других частей тела. Следовательно, для изучения истории данного народа, как например казачества, необходимо знать не только русские летописные сказания, но и историю, антропологию, языки и археологию всех соседних народов, как родственных, так и принадлежащих к другой расе, с которыми древнее казачество сталкивалось и тем или иным способом получало влияние, заимствовало культуру и проч.

Одним словом, нет такого мелкого исторического вопроса, который не требовал бы подробного изучения и долговременного обзора со всех сторон.

Историк обязан знать все, что в его время известно науке об этом вопросе. Для него не должно служить преградой даже незнание языков тех народов, с которыми древнее казачество сталкивалось в течение многих веков, а также сокрытые в недрах курганов тайны, могущие свидетельствовать о былой жизни Дона.

Донские казаки, служившие с честью около четырех веков Московскому государству и своею доблестью и рыцарской храбростью известные всему миру, должны иметь и знать свою историю.

Они, во дни порабощения России, ее бессилия и неурейства, на южных ее пределах, сами собой встали грозной стеной и своим удальством и упорной борьбой, длившейся целые века, изумили все соседние народы. От берегов Дуная и Днепра, по степям Дона, Кубани, Терека, Нижней Волги, Урала и далее на Восток, по дебрям Сибири, до Амура и Камчатки, по меже великой современной России, казачьи общины первые положили заветную черту, чрез которую не суждено было уже перешагнуть соседним народам, и своим мужеством и кровью отстаивали занятые ими земли. Пример в жизни народов редкий. (Вегель).

Казачество, предложившее свою службу Московскому Царю в половине XVI века в борьбе с их общими врагами – турками, крымцами, астраханцами, ногаями и другой татарвой,

---

² Эти мысли высказывал еще Сенковский в статье «Казаки» в 1834 году, хотя сам и не воспользовался ими, произведя слово – «казак» от каз, гас – гусь, гусак.

было уже довольно значительной и сильной народной общиной. Следовательно, служба казачества Москве началась раньше, чем это принято думать.

Все это должно быть выяснено будущими донскими историками.

От таких историков требуется беспристрастная оценка духа казачества и его исторического роста.

Для истории о начале казачества недостаточно знать местные источники, а нужно хорошо изучить историков греческих, римских, армянских, арабских, татарских и турецких, порыться в консульских донесениях XI–XV вв., хранящихся в архиве монастыря св. Марка в Венеции, основательно познакомиться с археологией Дона, берегов Черного и Азовского морей и тогда уже сказать свое слово и сделать заключение о том, кто были предки Донских казаков XV и XVI вв., а равно, кто были предки казаков Мещерских, Рязанских, Северских (севрюков) и Запорожских.

Новочеркасск, 1915 г.

Е. П. Савельев

Часть I. Предки казачества

Глава I. Взгляд историков на происхождение казаков

Вызывать в воспоминании минувшее есть своего рода способ заглядывать в будущее.

Многочисленный народ, населяющий в настоящее время берега Дона, Кубани, Терека, Урала, Нижней Волги, Иртыша, Амура, Уссури и другие места великой России, как-то: Забайкалье и даже Камчатку и с гордостью называющий себя в течение многих веков «казаками», едва ли может правильно понимать носимое им имя, а тем более объяснить его значение.

В русской исторической литературе хотя и были многократные попытки к объяснению этого слова, но они, как увидим ниже, не привели ни к какому положительному результату. Задача действительно нелегкая, тем более что название народа «казаки» тесно связано с вопросом о его происхождении.

Если мы станем на точку зрения российских историков, объясняющих, хотя и бездоказательно, происхождение казачества от гулящих, бездомных людей и беглых преступников из разных областей Московского и Литовско-Польского государств, «искавших дикой воли и добычи в опустелых улусах орды Батыя» (Карамзин), то название «казак» будет происхождение сравнительно недавнего, явившееся на Руси не ранее XV века и данное этим беглецам другими народами как имя нарицательное, с отождествлением со словом «вольный, никому неподвластный, свободный». (Отождествление это будет объяснено ниже.) Но тогда явится на сцену совсем необъяснимый вопрос, а именно: почему беглецы эти, скопившиеся на Днепре и Дону и по низовьям Волги, стали сами себя в XV и XVI вв. именовать казаками – названием чуждым, для них совсем непонятным, и с гордостью носят это имя в течение четырех веков, совсем отрицая какую-либо связь с московскими и литовскими областями, кроме связи по религии.

Русские и все славянские народы издавна называют германцев немцами, французы аллеманами, англичане, как и древние римляне, – германцами, шведы и норвежцы – по-своему и т. д.; сами же немцы, считая эту кличку для себя обидной, называют себя дейтш, а страну свою Дейтшланд³.

Арабы, русские и южные славяне турок называют: турки, тюрки и турци, от арабского слова «туркур», разбойник, следовательно, прозвищем бранным, которое турки не любят: сами же себя они именуют османами (османли) от султана Османа и оттоманами.

---

³ А. Вельтман (Дон. Москва, 1866) слово «дейтш» производит от славянского племени даков или дациан, живших в IV в. по среднему Дунаю, а потом постепенно поднявшихся в его верховья и в VIII в. смешавшихся с жившими там германцами, обновив это полудикое племя и дав им некоторую культуру, заимствованную от греков. В это же время у немцев появилось и название их укрепленных мест – замков – *бург*, от греческого «пургос» – башня. Название немец у нас принято производить от слова немой, т. е. не умеющий говорить по-славянски, не-умец. Основанием к этому послужило древнее греческое название иностранцев *непиос* (непиос), от на – нет и эпос – речь, т. е. неговорящий, бессловесный, замененное впоследствии словом варвар. Это едва ли верно. «Немец» или «неемец» произошло от славянских слов «не» и «имать», т. е. неимеющий, бездомный, грабящий других и главным образом славян. Об этом грабительстве свидетельствует и вся история Дейтшланда. Следовательно, название народа «дейтш» впервые появилось в истории только в VIII в. нашей эры. Латинские названия *германцы* (germanus) и *Германия* немцам (кимврам и тевтонам) искони не были известны. Их так называли римляне (Цезарь, Тацит, Страбон и др.) в смысле нации (natio), в отличие от племен (gentes), т. е. союзом, братовщиной (Тацит). И действительно, германцы, разделяясь на многие независимые племена, во время войны всегда соединялись в один общий союз, в одну духовно сплоченную массу, братовщину.

Подобных примеров можно привести тысячи, и все они будут свидетельствовать, что каждый народ носит с гордостью только то имя, которое он сам себе дал, а не то, каким его называют другие народы, часто даже в насмешку или как бранное.

Освобожденные от рабства американские негры в 1821 году основали на западном берегу Африки самостоятельную республику и назвали ее Либерия (от лат. слова *liber* – свободный): почему же русские и литовские беглецы, почувствовав в южных степях вольную волю и свободу от гнета бояр, не наименовали свою общину и себя одним из этих названий, а каким-то неведомым им словом «казак», объяснить которое лингвисты до сего времени не могут, и все это происходит оттого, что все историки стоят на ложной дороге в вопросе о происхождении этого, как будто бы всем известного, но на самом деле загадочного народа – казаков. Были ли когда в истории примеры, чтобы бежавшие в одиночку холопы и преступники за тысячи верст от своей родины, среди чуждого и враждебного им народа могли основать особое государство, составить сильную демократическую, свободолюбивую и религиозно-идейную общину, целый народ, с его своеобразным правлением, где старшего не было, а младший равен всем, с особыми воинскими приемами, с особенным говором, другими нравами и обычаями, а главное – рыцарской идеей лечь костями за обиженных и угнетенных, за свои родные земли и православную греческую веру, на удивление всему миру и на славу своим потомкам. Пример в истории редкий, если не сказать – единственный. Исключительным его назвать нельзя, так как в истории подобного рода исключений не было и быть не может.

Казаки отстояли для России весь юг, покорили Сибирь, проникли на Амур за 200 лет до его присоединения (в Албазине), открыли Берингов пролив за 100 лет до Беринга (казак Дежнев) и даже проникли до островов Новой Сибири, в Ледовитом океане⁴.

На покоренных и отнятых у татар и турок землях они стали твердой ногой по Дону, Тереку, Кубани, Уралу, Иртышу, Амуру, даже до Камчатки, сохраняя повсюду свои особенные, мало понятные историкам, нравы, обычаи и своеобразное воинское устройство. Сделали ли что-либо подобное прославленные западом алжирские пираты и итальянские бандиты, существовавшие, как известно, более тысячи лет? Ничего подобного.

Казаки-некрасовцы, ушедшие от гнева Петра Великого, в числе 600 семей, с атаманом Игнатием Некрасовым, сподвижником Кондратия Булавина, в 1708 году на Кубань, а потом – в Турцию, в течение 200 лет неизменно сохраняют древний общинно-казацкий строй, старинный казачий говор, нравы и обычаи XVI в., выбирают, как и прежде, атаманов и есаулов и решают все свои общественные дела казачьим кругом.

Могли ли так поступать потомки всякого рода беглых из разных мест, случайного, как думают некоторые историки, сброда, не имевшего общих традиций и не соединенного одним идейно-рыцарским духом, если бы все это им не было передано издревле от славных предков. Мы думаем, что случайно или поневоле попавшие в степи беглецы скоро ассимилировались бы в среде чуждого им народа и в течение веков утратили бы свою национальность, так что от них не оставалось бы и следа.

Не то мы видим в среде казачества, разбросанного волею судеб по всем окраинам обширной России. Везде мы видим одну общую казацкую идею, один мощный казацкий дух.

Западное средневековое рыцарство, прославившееся грабежами, насилием и угнетением мирного земледельческого люда, ничего общего с идеей казачества не имеет. Казачество стояло за свою свободу, за права обиженных и угнетенных, за свои земли и за свою веру, никому не навязывая ее и насильно не обращая в нее неверных, между тем как в западном рыцарстве цель была совсем другая, а именно – порабощение мирных и беззащитных граждан и распространение католицизма мечом среди славян и литовцев, т. е. цель отрицательная.

⁴ Близ Иркутска и теперь еще видна крепость-острог, построенная казаками, сподвижниками Ермака, в 1622 г. из гигантских стволов лиственницы.

Казакі прежних веков, как это ни странно звучит для историков, не считали себя русскими, т. е. великороссами или москвичами; в свою очередь и жители московских областей да и само правительство смотрели на казаков, как на особую народность, хотя и родственную с ними по вере и языку⁵. Вот почему сношения верховного правительства с казаками в XVI и XVII вв. происходили чрез посольский приказ, т. е. по современному – чрез министерство иностранных дел, чрез которое вообще сносятся с другими государствами. Казацких послов или, как их тогда называли, «станицы» в Москве принимали с такою же пышностью и торженственностью, как и иностранные посольства; об этом нам подробно говорит русский публицист XVII в., современник царя Алексея Михайловича, Григорий Котошихин.

С Петра Великого, с 1721 года, войско Донское перешло в ведение военной коллегии. С этого времени, вместо Царских грамот, адресованных «на Дон, в верхние и южные юрты, атаманом и казаком и всему великому войску Донскому», и отписок казаков прямо к Царю, на Дону стали получаться приказы коллегии и указы Сената.

Если же смотреть на казаков, как на исконных обитателей берегов Азовского и Черного морей, Дона и Нижнего Днепра, о чем мы будем говорить в следующих главах, то происхождение имени «казак» объясняется очень легко, и значение этого слова было понятно как для самих древних казаков, так и для соседних с ними народов.

Но прежде чем приступить к этому объяснению, которое тесно связано с вопросом о происхождении казачества, мы здесь приведем мнения по этому предмету некоторых историков, а мнения эти, как увидят читатели, иногда доходят до крайней нелепости, если не сказать – до смешного.

Фишер, в своей Сибирской Истории, изданной нашей Академией наук в 1774 году, слово «казак» относит к языку татарскому. «Оно означает, по его мнению, такого человека, у которого нет семьи или который не имеет постоянного жилища. Название это первоначально приписывалось собственно казачьей орде, т. е. ордынским казакам, жившим в начале XVI в. по Нижней Волге, ныне киргиз-кайсаки, которые своими набегами и наездами славились перед прочими народами. Название «казак», продолжает Фишер, от татар перешло к русским и полякам⁶.

По мнению Сталенберга, слово «казак» означает вольный, живущий на границе и всегда готовый служить за деньги.

Но ни Фишер, ни Сталенберг не указывают, от каких именно татарских корней они производят это слово. В современных же наречиях татарского языка слова «казак» нет; следовательно, оно не татарское, а заимствованное ими от другого народа и отождествлено по характеру и исторической жизни казачества с понятием – вольный, никому не подвластный,

⁵ Даже позднейшие историки, А. Филимонов в «Очерках Дона» в пятидесятых годах прошлого столетия и В. Ф. Соловьев в своей брошюре «Особенности говора Донских казаков» в 1900 г. писали, что казаки, несмотря на то, что стоят за Русь, что полки их оберегают ее окраины и что все имеют рвение постоять за Царя, сами себя не считают русскими; что если любому казаку предложить вопрос: «разве ты не русский?» Он всегда с гордостью ответит: «Нет, я казак!» (Филимонов и Соловьев не были казаками).

⁶ У киргизов есть особый род, который исключительно носит название «казак», подобно тому, как есть другие роды «кипчак», «чайман» и др. Эти киргизы называют себя не «кайсаки», как многие пишут, а «кхазак». Это потомки омагометаненных и смешанных с другими восточными народностями древних казаков. Среди них часто попадаются лица с чисто арийским красивым профилем и веселым взглядом. В языке киргиз-кхасаков встречается много очень характерных слов и выражений, свойственных говору Донских казаков прежних веков, как то: кублюк – кубилек (женский наряд из шелковой материи ярких цветов на Дону), чекмень – кафтан, казан – котел, тумак – шапка с верхом, шальбары – шаровары, юрт, мерин, башка, таган, чугун, серги, чулги – чулки, кун – выкуп, чекан – оружие, тала – тальник, камыс – камыш, чушка – свинья, карга, беркут, драфа, сазан, уран – ура, карбуз – арбуз, каун – дыня, тыква, бахча, канжар – кинжал, чумичка, малахай и др. Многие лингвисты склонны думать, что эти и многие другие слова заимствованы русскими и в частности казаками от татар и киргизов. Это неверно. Славянский язык настолько богат словами, что, как увидим ниже, не нуждался в этом заимствовании и многие тысячи своих названий навязал всем соседним народам востока и запада. Сталенберг и Рубруквис отличают киргизов татарского историка Абул-Газа от киргиз-кайсаков и называют последних кергезы или черкесы – казаки, вернее – черкасские казаки, что, как увидим ниже, очень правдоподобно.

служащий за деньги, и другими проявлениями военного быта пограничных стражников, подобных древним нашим предкам.

Болтин в примечании к истории Леклерка, в 1788 году писал, что «в отдаленные времена на юге России жили татарские, сарматские и славянские племена; что от них отделились разные толпы в степи, разбойничали там или питались звероловством. Татары называли их казаками, т. е. сбродом. Люди эти, увеличившись, стали известны в нашей истории под именем половцев, существовавших до нашествия татар».

Вл. Броневский, в своей «Истории Донского войска», составленной, как известно, по чужим рукописям и изданной в СПб. в 1834 г., каковой труд серьезного исторического значения не имеет и притом репутация этого автора сильно пострадала от критических статей известного донского историка В. Д. Сухорукова (Донск. вест., 1867, №№ 27–29), ничтоже сумняшеся, высказался о казаках так, что будто бы царь Иван Васильевич, видя размножение по Руси бродяг и разбойников, приказал, выражаясь просто, отворить южные заставы государства и турнуть их вон из отечества на Дон.

В. Д. Сухоруков в составленном им в двадцатых годах прошлого столетия, при участии других авторов, «Историческом описании земли войска Донского» говорит, что «слово казак известно было в России гораздо раньше этого времени: оно, по мнению некоторых, на языке монгольском означало пограничного стража и вообще военного человека; но, рассматривая наши летописи тогдашнего времени, видим, что казаками назывались и такие люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украйну. По смыслу слов, в летописях и современных актах встречающихся: «На поле ходят баловни-казаки... живут своим казачьим обычаем» и т. д., нельзя не согласиться, что имя «казак» применялось однозначительно разбойнику, но в отношении ремесла оно не было столько поносным и преступным, как разбойник, ибо этот род жизни и поведение были в духе тогдашнего времени. Таким образом, думать надобно, что слово «казак» означало отважного наездника, живущего набегам и войною, не привязанного к земле и домовитости»⁷.

Известный наш журналист, критик, беллетрист и историк Н. А. Полевой говорит: «Кажется нет уже сомнения, что имя казаков есть азиатское название легкого конного воина. Тут не нужно прибегать ни к Косогам и Казахии Константина Багрянородного (X в. по Р. Х.), ни к косе, ни к козе, ни к козявке, от чего выводили имя казаков Гербинии, Пясецкие, Зиморовичи и др. В Азии доньше целая орда турецкая называется казаками (киргиз-кайсаки). Татары и русские принимали в XV в. имя казака в смысле бездомного, странствующего удальца-воина. Так разумел и Иоанн III в ответе хану Зинебеку в 1477 году. Но то, чем порицали казаков неприятели, составляло их славу, и имя казаков осталось именем собственным целого народа, ибо они гордились им. Некоторое число сих народов, избегшее меча монголов и не хотевшее соединиться с ними, сделались «казаками».

Барон Брамбеус (О. И. Сенковский), знаток восточных языков, в 1834 г. (т. VI «Казаки») писал: «Мы не думаем, чтобы можно было рассуждать о происхождении слова «казак» без пособия ориентализма и его исторической критики... Слово «казак» есть собственное имя народа, который мы ныне называем киргизами. Кажется, что это поколение, издревле известное в Азии отвагою, хищничеством и ловкостью всадников, с давнего времени придало имя свое отрядам легкой конницы, употребляемой восточными властелинами для разных воинских назначений, подобно тому, как народное имя швейцарцев превратилось в Европе в наименование известного рода служителей. То верно, что у монголов, завладевших Россией, оно означало, кроме киргизов, еще вооруженных всадников, не приписанных ни к какому улусу, не составлявших собственности никакого хана, ни бека, бежавших от своих кочевых владельцев, коротко сказать – «вольных воинов» из разных поколений, соединявшихся в летучие отряды.

⁷ 2-е издание Областн. войска Донск. Статистического комитета, 1903.

Слова «казак» и «вольный» были как бы однозначные, и поэтому первое из них, соединяющее в себе притом понятие о войне, так нравилось беглецам из России и Литвы, поселившимся на Днепре и на Дону. Вот все, что при нынешнем состоянии ориентальной исторической критики можно сказать с некоторою достоверностью о происхождении слова «казак»; оно, по видимому, ничего не имеет общего с именем Касогов. Не должно, однако ж, думать, чтобы понятие «казачества» не было известно на севере гораздо раньше слова казак. Оно, кажется, очень древнее и в некотором отношении может быть названо коренным обычаем северных народов, проявившихся в разные времена под разными именами. Здесь мы позволим себе одно сближение. Хотя слово «казак» есть собственное имя огромного народа, но оно очень давно сделалось уже нарицательным и притом имеет правильное производное от известного корня. Как нарицательное в восточнотурецких языках оно означает – бесприютный, скитающийся, никому не подвластный, вольный. Бабер часто употребляет в своем джигатайском наречии слова «казаклык, казакламак» в этом смысле. Как производное оно происходит от «каз» – гусь и значит гусак – «свободный, как дикий гусь», говорят турки.

Название черкесов, которые сами себя именуют «адигами», происходит от персидского слова «серкеш», испорченного грубыми устами горцев, и тоже значит – «неподвластный, бунтующий, вольный»⁸.

Новгородцы, еще до нашествия монголов, славились своею «вольницей». Присовокупите к тому венгеро-славянское: гуса, гусар – «свободный всадник, бродяга, разбойник», происшедшее от слова гус (гусь), с его производными – «гусарити», т. е. разбойничать на море, «гусарица» – разбойничья лодка и т. д., и вы получите четыре однозначных названия, четыре разных перевода одной и той же идеи. Вот почему донские и малороссийские казаки назывались попеременно то черкасами, то казаками, вольницей, то даже, как напр. новосербские их соседи и нередко товарищи, – гусарами⁹.

Остатки ордынских казаков, не присоединившиеся к киргизам – своим соплеменникам, образовавшим новое ханство, могли быть первым ядром, около которого копились русские беглецы. Скоро это ядро могло исчезнуть от безженства, преобладавшего в скопище, и русское поколение, беспрестанно умножавшееся новыми пришельцами, остаться хозяином союза. Таким образом, говорит в заключение Сенковский, первоначальное соединение двух разных племен несколько не мешает нынешним донцам быть сынами славянских предков».

Устрялов в своей «Русской истории» говорит, что донцы составляют чудную смесь разнородных народов; что язык их состоит из разных элементов; что в чертах их лица есть нечто азиатское и что казаки гордятся своим происхождением от черкесов и даже сами называют себя черкасами¹⁰.

Д. И. Иловайский в «Истории Рязанского княжества» (Москва, 1884, стр. 203) пришел к заключению, что «в XV в. с одной стороны образуется в Рязанском княжестве особый класс служилых людей из передовой украинской стражи, а с другой – в Придонских степях собирается вольница из русских беглецов – разбойников».

То же самое о донских казаках говорит и Костомаров, признавая их не более как беглецами, а не какой-либо партией, стремившейся сделать изменение или переворот в обществе (Русская История, гл. XXI, Ермак Тимофеевич). Как тот, так и другой не делают серьезной попытки к объяснению этого загадочного для них слова «казак». Впрочем, Иловайский в своих «Розысканиях о начале Руси» (Москва, 1882, стр. 242), цитируя соображения проф. Бруна, помещенные в Записк. Од. Общ. Ист. и Др., т. XII, приходит к заключению, что назва-

⁸ Черкес или серкеш в буквальном переводе означает «головорез». – *Авт.*

⁹ По-словацки гусь-самец называется гусер, по-сербски – гуссар, по-чешски – hauser, husak, по-польски – gensior, по-древнеэтрасски – гас, по-осетински – газ.

¹⁰ Казаки называли себя «черкасами», а не черкесами. Это ошибка историка. – *Авт.*

ние «казаки», вопреки всем попыткам объяснить его из татарских языков, есть, вероятно, то же, что казары, с его вариантами: «казахи» у Константина Багрянородного (X в.) и касоги в нашей летописи».

М. О. Коялович, известный исследователь по истории Западной Руси (ум. 1891 г.), высказался вообще о казаках, что это испорченные силы русского народа, питомцы неестественно натянутой русской жизни времен Иоаннов III и IV, негодные (?) люди, испорченные «злыми началами управления»¹¹.

Мнения историков Забелина, Соловьева и Ключевского о происхождении казачества я приведу после, а также попутно укажу и на взгляды по этому вопросу историков малороссийских и донских.

Историограф Карамзин, мнение которого я нарочито привожу после других, как более полное, говорит (т. V гл. IV), что «летописи времен Василия Темного, в 1444 г., упоминают о казаках рязанских, как особенно легком войске... Казаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известным в истории около 1517 г.; но, вероятно, что оно древнее Батыева нашествия и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских казаков. Торки и берендеи назывались черкасами, а также казаками¹². Вспомним касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морями, вспомним и страну Казахию, полагаемую греческим императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов казаками. Столько обстоятельств, вместе взятых, заставляют думать, что торки и берендеи, называясь черкасами, назывались и казаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами, принимали к себе многих россиян, бежавших от угнетения, смешивались с ними и под именем казаков составили один народ, который сделался совершенно русским, тем легче, что предки их с X в. обитали в области Киевской и уже были почти русскими... В истории следующих времен увидим казаков ордынских, азовских, ногайских и других; сие имя означало тогда вольницу, наездников, удальцов, но не разбойников, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий: оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались».

Далее (т. VIII, гл. IV) Карамзин собственно о донских казаках говорит:

«...но важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России между Азовским и Каспийским морями сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами, людей, неустоимых в ратном деле, «природных конников и наездников», иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои, — то были донские казаки, выступившие тогда (в половине XVI в.) на театр истории».

Карамзин прямо не называет этих «природных конников и наездников» российскими беглецами, а лишь говорит, что «они считались таковыми», т. е. кем-то, по ходячему мнению, не основанному ни на каких серьезных исторических данных, а это обстоятельство имеет много шансов к более вескому утверждению его первого положения о том, что казачество на южной окраине нынешней России было известно ранее Батыева нашествия, что оно выступило

¹¹ Напротив, в степи могли бежать только с сильным и свободным духом люди, а не негодные и испорченные управлением. Последние остаются на своих старых местах и с покорностью переносят гнет и унижения. Ведь все американские колонии основаны беглецами, бежавшими от гнета метрополий.

¹² О том, что *черные клобуки* назывались черкасами, говорят Воскресенская и Киевская летописи: «И сконя свою дружину пойде, пойма с собою Вячеславль полк весь и вся черные клобуки, еже зовутся черкасы».

в X в. на театр истории то под именем торков и берендеев, то черкасов и просто казахов или казаков.

Этот взгляд Карамзина, с нашей точки зрения, надо считать более правильным.

В следующих главах мы постараемся доказать, с приведением подробных исторических данных, что казачество как лихие конники, с копьями и саблями – на суше и отважные мореходцы – на море, представляя передовой оплот великого славяно-русского племени, было известно, под тем или другим именем, в глубокой древности, за много веков до Р. Х.; что оно обитало почти в тех же местах, которые занимает и ныне; что оно в XII в. до Р. Х. на 30 кораблях с берегов Дона, Днепра и Днестра ходило на защиту Трои, потом часть его проникла в Италию под именем гетов-русов, а впоследствии основало Рим; что начиная с VI в. до Р. Х. и до XIII в. по Р. Х. оно наводило страх на персов и мидян, на греков и арабов; боролось с татарскими ордами и в конце концов осталось победителем над всеми своими многочисленными врагами, на славу великих свободолюбивых предков и в назидание грядущему, несокрушимо и гордому потомству.

Глава II. Краткий обзор современных народов Северного Кавказа

Все народы Европы, принадлежащие к так называемому кавказскому племени, произошли от одного общего первобытного племени – арийцев, т. е. было то время, когда, по выражению Макса Мюллера, предки арийцев, как то: индусов, персов, греков, римлян, славян, кельтов, германцев и др. жили под одною кровлей, составляя одну семью, род¹³. Уже на пороге истории между отдельными отраслями арийского племени было довольно значительное различие как в образе их жизни, в нравах и обычаях, так и в религиозных воззрениях, и только сравнительное языковедение позднейших времен могло установить их первоначальное единство. На помощь к этому явилась археология и сравнительная антропология. Лингвистика ищет родственность народов в сродстве корней их первоначального языка, история культуры в связи с археологией – в общности культа, антропология же ищет родство народов в общих чертах их физического строения, в устройстве черепа и других частей тела. Одни из народов, благодаря климатическим, географическим, топографическим и другим условиям местности, сохранили в достаточной степени свой древнейший тип и особенности языка, другие же, ввиду неблагоприятных исторических событий, давно уже утратили не только свою политическую самостоятельность, но и народную индивидуальность, подпав под влияние более численного и сильного врага и приняв его язык, веру и обычаи, и только сравнительная антропология указывает нам на те или другие физические особенности таких погибших народов, выделяющая их из общей массы, как единиц, искусственно присоединенных к чужому организму. Примером тому могут служить давно исчезнувшие, политически, народы Передней Азии, как то: шумеро-аккадийцы долин Тигра и Евфрата, за ними ассири-вавилоняне (халдеи), финикияне, фригийцы, бактриане, лидийцы и др.

Из всех частей света Европа наиболее представляла благоприятные условия для смешения рас и племен. С древнейших времен на это влияли не только местные передвижения народов и междоусобные войны, но и переселение их с востока на запад, как то: болгар, угров, печенегов, половцев, татар и оттоманов. Это последнее обстоятельство вызвало непрерывные войны, развило торговлю Европы с Азией, внесло в жизнь народов запада много обычаев и взглядов, унаследованных азиатскими народами от своих предков, создало помесь языков и произвело такой хаос в этнологических основах европейцев, что многочисленные исторические и лингвистические исследования не могли дать никаких объяснений, и лишь благодаря успехам этнографии, археологии и антропологии перед нами открылось далекое прошлое человека с его верованиями, взглядами, привычками и мировоззрениями.

С древнейших времен племя Гомер (гомо-ер, ир, ар) и Аскеназ (ас-кен-аз) – в народной таблице Моисеевой, потомки Иапета Гезиода, миф о Прометее и предание о переселении Девкалиона, сына Прометея, с Кавказа в Фессалию – у греков связывают Кавказ с историей Европы¹⁴.

Самое слово Кавказ (от кау – село, поселение, по-осетински, и аз) означает жилище или поселение «азов», древних предков арийцев. Страна, лежащая между низовьями Дона, восточными берегами Азовского и Черного морей и Кавказским хребтом, у древних народов называ-

---

¹³ Слова: ар, эр, ир на всех древних языках арийского корня означают понятие «муж». Отсюда древнерусское «бойар» (бояр) – боевой муж и санскритское агуа (ария) – благородный. Персы называют себя «ирами», осетины «ирон», а страну свою – «ирани-станом». Древнее ассири-вавилонское и персидское сар (наше царь), санскритское сир и сарапе – господин, французское сер и английское сир имеют один и тот же общий корень ар, эр и ир.

¹⁴ Слово «аз» или «ас», аза, ази, азен – священное для всех арийцев: оно означает бога, господина, царя или народного героя. Неркун-аз у литовцев и азы у древних скандинавов почитались как божества. Ассирвахадам – даю или желаю добра, господин, по-санскритски. Здесь слова «ас» и «сир» (саране) означают понятие – владыко, господин.

лась землею «азов», *asia terra*, т. е. священная земля. Это родина и первобытное местопребывание богов и героев всех арийских народов. Кавказский перешеек с высокой горной цепью, перерезанный глубокими плодородными долинами и расположенный на границе двух частей света, так резко отличающихся и по характеру растительности, и по устройству поверхности, с юга плоская возвышенность, а с севера равнина, с доисторических времен представлял из себя как бы спасательный остров для всех обитавших близ него народов или случайно принесенных каким-либо течением из глубин востока и запада, потерпевших здесь кораблекрушение и за немногими остатками погибших исторически.

Кроме этих случайно заброшенных или укрывшихся от преследования более сильнейшего врага в неприступные дебри гор народов, Кавказ должен был иметь и своих первобытных жителей. Народы эти поселились там, надо полагать, весьма рано, раньше, чем населена была Европа, бывшая большею частью, как это доказывают геологические изыскания, долгое время, в третичный период, под водой и в четвертичный или ледниковую эпоху под льдом.

Хотя следы доисторического человека, большею частью найденные в Западной Европе, Бельгии, Франции, Австрии и Южной Германии, относятся к последней промежуточной, междуледниковой, эпохе, а более ясные к послеледниковой, но это показывает только то, что в этом отношении Западная Европа исследована лучше, Кавказ же со своими пещерами, дольменами и циклопическими постройками, которые мне самому приходилось видеть в области Осетии, по северным склонам гор, почти совсем не исследован, между тем как многочисленные следы здесь доисторического человека на каждом шагу являются очевидными. На Кавказе, как и в других местах, после каменного существовал также и бронзовый век, о чем сделал свой доклад знаток археологии профессор Д. Н. Анучин на IX археологическом съезде в Вильне в 1893 г., причем он указал на влияние этой культуры и на область Дона. Открытая в 1869 г. в Осетии, близ аула Кабан, древняя могила, исследованная Филимоновым, Антоновичем, Вирховым и другими, дает ясные указания на связь бронзовой культуры Кавказа с многими странами Европы. Позднейшие исследования могил этих древних обитателей Европы, известных под названием Неандертской расы, привели к заключению, что раса эта населяла все пространство европейского юга от берегов Дона до Атлантического океана и перебралась в Америку, которая некогда (в третичный период) была соединена сухим путем с Европой. В юго-западной Европе Неандертская раса, помнившая пещерного медведя и мамонта, вымерла раньше, на Руси же она еще долго держалась и стала известна впоследствии (у Геродота) под именем Киммериян. Но это не были арийцы, так как исследования черепов Неандертского человека и найденного у нас в России близ села Гамарни (Каневского уезда) ясно показали, что древние обитатели Европы относились к длинноголовым (долихоцефалам) и пережили каменный период¹⁵. Черепа эти длинны и узки, надпереносье сильно выдается, выступы бровяных дуг толсты, темя посредине приподнято и округлено, лоб отлог, затылок выпуклый, зубы все, но стертые до десен, нижняя челюсть низка, мускульные прикрепления сильны¹⁶.

Не будем говорить о том, где именно человечество впервые познакомилось с обработкой металлов, меди, бронзы, а потом и железа, так как этот вопрос в науке является спорным, но несомненно лишь то, что обитатели Кавказа с прилегающими к нему местностями, в том числе Ираном и Месопотамией, очень рано научились обрабатывать металлы; отсюда искусство это постепенно распространилось на юг и восток Азии и на запад в Европу. Носителями этой культуры по передней Азии были древние воинственные ассирийцы, а по Европе арийские племена, населявшие богатую металлами область между Черным, Азовским и Каспийским морями, западными склонами Ирана, равниной Месопотамии, Таврскими горами и

¹⁵ Неандертский череп найден в пещере Н-ой долины в 1857 г.

¹⁶ Труды III Археолог. съезда в Киеве 1874 г. Известия Имп. Общ. любителей естествознания, антропол. и этнограф. Москва, 1860, т. XXXV, ч. I.

гористой Каппадокией. Область эта в древности считалась колыбелью металлургии, благодаря богатым залежам железной руды, доставлявшей прекрасное железо и сталь¹⁷.

К этим древним обитателям Кавказского перевалка в течение веков постепенно двигались новые народные массы с южных и северных берегов Каспийского моря, из-за Урала, с северных берегов Понта и других мест. Все эти дороги вели к подошве Кавказского хребта, где проходившие народы, испытав различные судьбы, постоянно встречались.

Таким образом на столь незначительном пространстве, как Кавказский перевалок, между туземными народами в дебрях гор вместились множество последующих племен, путем мирным или враждебным, целыми массами, поколениями, отраслями и колониями. Уже от древних цивилизованных народов не укрылась эта особенность Кавказа, так напр., царь Понтийский Митридат говорил на 20 языках кавказских горных племен, которых он старался привлечь на свою сторону в борьбе с Римом, а римляне для своих торговых сношений с Диоскуриасом (где ныне Сухуми) нуждались в 70 переводчиках, а по Плинию даже в 130.

В настоящее время между горными племенами Кавказа можно указать на семь совершенно самостоятельных коренных языков, разделяющихся на 80 различных отраслей и наречий; народы же, говорящие ими, распадаются на бесчисленные племена и маленькие народцы, имеющие каждый свои нравы, обычаи и наклонности, а также отличающиеся один от другого чертами лица, телесным развитием и религией, представляющей смесь язычества, христианства и мусульманства.

Народы Кавказа – арийской расы, а именно три группы: восточную – лезгино-чеченскую, западную – черкесско-абхазскую и среднюю – осетинскую – в настоящее время нужно рассматривать как только немногие остатки от той многочисленной и сильной семьи арийцев, населявших когда-то северные склоны Кавказских гор до берегов Дона и Волги и от берегов Азовского и Черного морей до Каспийского и потерпевших в течение многих столетий метисацию с восточными тюркско-монгольскими племенами, арабами и евреями, проникшими сюда из древнеперсидской монархии в VIII и VII вв. до Р. Х., а с запада – с греками и римлянами, а ранее того с доисторическими племенами Европы, известными у древнегреческих историков под именем Киммерийцев. Чистый арийский антропологический тип теперь можно встретить только в горных малодоступных областях Кавказа. Общие черты этого типа следующие: короткий, стройный стан, широкий в плечах и тонкий у талии; высокие, прямые, вытянутые в голени ноги, круглая голова с высоким прямым лбом, тонким прямым или с горбиной носом, малым, круглым, подобранным подбородком, светлыми или темно-русыми волосами, голубыми, чаще карими глазами и белым чистым румяным лицом, в особенности бросающимся в глаза у молодого поколения. Как на особенности переходного типа (метисов) можно указать на черные, иногда с красниной, жесткие волосы на усах и бороде, выпуклый лоб, выдающийся затылок (колпачком), горбатый, орлиный, или ястребиный, нос, а в Дагестане и Осетии часто семитический¹⁸.

По исследованиям К. Курдова (Антропология лезгин, 1902 г.) более чистый тип лезгин сохранился в Самурском округе Дагестана – местности, изрезанной глубокими и дикими ущельями и защищенной с юга Кавказским хребтом.

Лезгины, древние Аланы-Лезги, самый многочисленный и храбрый народ на всем Кавказе; они говорят, собственно самурские, легким звучным языком арийского корня, но благодаря влиянию начиная с VIII в. по Р. Х. арабской культуры, давшей им свою письменность

---

¹⁷ По преданию, древних греков научили добывать и обрабатывать железо «халибы», арийское племя, жившее на берегах Понта. Именем этого народа греки и называли сталь.

¹⁸ Дагестан – гора языков, по словам арабских писателей. И теперь в этой местности, что ни гора, ущелье, то отдельный язык, наречие, говор, мало понятный соседям. Среди этих народов издревле живут отдельными аулами евреи, занимаясь скотоводством, земледелием и торговлей; евреи эти заимствовали от древних персов их язык, а от местных жителей нравы и обычаи, оставшись верными религии праотцов.

и религию, а также давлению соседних тюркско-татарских племен, много утратили из своей первоначальной национальности и теперь представляют поразительную, труднодоступную для исследования смесь с арабами, аварами, кумыками, тарками, евреями и др.

Соседями лезгин, на западе, по северному склону Кавказского хребта, живут чеченцы, получившие название это от русских, собственно от своего большого аула «Чачань» или «Чечень». Сами чеченцы свою народность называют Нахчи или Нахчоо, что значит люди из страны Нах или Ноах, т. е. Ноевой, так как, по народным сказаниям, они пришли около IV в. по Р. Х. в настоящее свое местожительство, чрез Абхазию, из местности Нахчи-Ван, с подножий Арарата (Эриванской губернии), и, теснимые кабардинцами, укрылись в горах, по верхнему течению Аксая, правому притоку Терека, где и теперь еще есть старый аул Аксай, в Большой Чечне, построенный некогда, по преданию жителей аула Герзель, Аксай-ханом¹⁹.

По филологическим изысканиям барона Услара, в чеченском языке есть некоторое сходство с лезгинским, в антропологическом же отношении чеченцы – народ смешанного типа. В чеченском языке встречается довольно много слов с корнем «гун», как, например, в названиях рек, гор, аулов и урочищ: Гуни, Гуной, Гуен, Гуниб, Аргун и др.

Солнце у них называется Дэла-Молх (Молох). Мать солнца – Аза.

Из всех народов Кавказа наиболее всего ученых занимали осетины, живущие по горам и северным предгорьям Кавказского хребта, от Военно-Грузинской дороги на запад. Много было написано трактатов, разных исследований, гипотез об этом загадочном народе, об его далеком прошлом, языке, верованиях, нравах и обычаях, но, к несчастью, мало основанных на научных данных. Несомненно лишь то, что язык осетин, по исследованию известного немецкого лингвиста и санскритолога Макса Фридриха Мюллера, относится к одному из индоевропейских наречий иранской ветви, занимающей среднее положение между армянским и персидским, но ближе к языкам древних пельви и парси, сохраняя в то же время свои некоторые первобытные особенности. Как это обстоятельство, так и наблюдения в области сравнительного языковедения, скажу от себя – даже поверхностные, дали повод нашему московскому профессору В. Ф. Миллеру причислить осетин чуть ли не к современной германской расе, даже к немцам. Одно забывают наши ученые исследователи, впрочем, большею частью из немцев, что язык не есть еще показатель принадлежности данного народа к той или другой расе. Примеров к тому много налицо. Все литовско-славянские племена, населявшие до X в. по Р. Х. южные берега Балтийского моря и среднее и нижнее течения рр. Немана, Вислы, Эльбы и Рейна, как то: Прусы, Венеды, Поморяне, Оботриты, Полабы и др. в настоящее время, как онемеченные, говорят на немецком языке, но это нисколько не может служить основанием к тому, чтобы их и в антропологическом и других отношениях также можно было причислить к германцам. Язык, нравы и обычаи, с потерей политической самостоятельности народа, могут быть поглощены более сильной культурой завоевателей, антропологический же тип может удержаться на целые тысячелетия и в особенности скажется в атавизме молодого поколения. Дети немцев-пруссиков поразительно похожи на детей малороссов наших Харьковской, Черниговской, Полтавской, Волынской и других губерний, не говоря уже о детях польского и белорусского крестьянства. Далее, по исследованиям Шантра, Эркerta и нашего антрополога И. И. Пантюхова, армяне с антропологической точки зрения в большинстве случаев крайние брахицефалы, т. е. короткоголовые и в этом случае во многом сходны с сиро-халдеями и кавказскими горскими евреями. Английский ученый Бертинг считает их людьми одного типа с евреями допалестинского периода. Профессор Анучин говорит, что армяне – племя не арийское, а скорее арианизированное (по языку).

¹⁹ Кабардинцы или Кабары, по Константину Багрянородному (X в. по Р. Х.) были одно из казарских племен; часть этого племени, после междоусобной войны, ушла к Уграм и, соединившись с ними, представляла в их войске самую храбрую отборную конницу. Впоследствии конница эта стала называться хусары или гусары, т. е. казары.

Доктор И. И. Пантюхов, воспользовавшись случаем, когда Тифлис был наводнен бежавшими из Турции армянами, в конце прошлого столетия, подверг многих из них антропологическому измерению, при чем нашел, что огромная часть из них, по своему физическому складу, оказалась чистокровными курдами. Среди армян очень много даже ассимилированных цыган. А между тем армяне говорят на одном из арийских языков и в этом только отношении причисляются к индоевропейскому племени.

Да. Название вещей меняется в истории народов, но под новыми словами живут старые факты, трудно изменяемые (В. Величко).

В языке осетин довольно много корней славянских, германских, древнеперсидских, греческих и латинских, т. е. общеарийских. Но причислять их только за это к одной из немецких народностей довольно рискованно и даже смешно. Нетрудно догадаться, что все это вышло из-за того, что все наши ученые в области сравнительного языковедения были из немцев, которые и старались все, что только есть хорошего у какого-либо из народов, в особенности входящих в состав России, приписывать своей расе, своему влиянию, своей культуре, отнимая это у других.

Осетинский язык имеет много диалектов; главные из них: тагаурский, куртатинский, дигорский, валаджирский, джавский и др. Дигорец с трудом понимает тагаурца и валаджирца. Тагаурское наречие считается более чистым, т. е. оно более других приятней для слуха европейца и может легче других быть усвоено, между тем как остальные изобилуют неопределенными гласными, большею частью протяжными, нелегко запоминаемыми, твердыми шипящими, гортанными и горловыми, так неприятно действующими на слух цивилизованных наций. Кроме индоевропейских, в осетинском языке немало есть слов туранских и семитских, в особенности в собственных именах. В общем замечено, что во всех горных ущельях буква С произносится как Ш, ДЗ и Ц как Ч, т. е. чем глубже в горы, тем произношение тверже, и наоборот.

Река по-осетински называется «дон», отчего все реки Осетии имеют следующие названия: Гизельдон, Садон, Нардон, Закидон, Сонгутдон, Мамисондон, Ардон, Лаядон, Фиагдон, Пацадон, Ксандон, Урухдон и др.²⁰ Названия рек и вообще воды «дон, тон, дан, тан, тун, дун» очень древние, встречающиеся на пороге истории арийских народов по всей Европе и западной Азии и удержавшиеся до настоящего времени только в одном языке осетин. Вардан – кипящий, пенящийся дан, Кубань – по Птолемею (II в. по Р. Х.); Тан, Танаис (Танай, Данай) – Дон; Данапр, дан с порогами – Днепр; Данастр – дан-стрый, быстрый, струйный – Днестр; латинский Данубий, немецкий Донау, осетинский Дуней-дон, т. е. всемирная река, Дунай²¹. Дуна – Двина, Родан – Рона, Эридан – Рейн или какая-то другая северная река, скорее Неман, на берегах которого добывался янтарь. Радус или Эриданус – По, в Италии. Яксарт – нынешняя река Аму-Дарья, в древности также называлась Танаис, иногда Раса, как и наша Волга – Ра, Ара, Арас²². Река Висла носила название Танаквисл, Танаисл или просто Исла. Неман в более древнюю эпоху назывался Рудон, а в позднейшую Рось. Поросье, собственно, нижнее его течение. Устья рек носили общее название «донье», «тонье» или «тоня», удержавшееся до сего времени во многих местах славянских земель, как напр., у нас и у сербов²³. Древние города, расположенные по берегам рек – «данов», носили названия: немецкий Данциг, польский – Гданск, при устьях Вислы: Сингидан или Чингидан, Новиодун, Лунгдун (Лейден), Лондон²⁴, Каргодун или Кракодун – Краков. Тания или Дания – местность, изрезанная реками (данами), проливами. Датчане или Даны у поляков называются дуньчики. У англосаксов даны или таны были при-

²⁰ Днестр по-осетински – Дон-стир, большая река. Днепр – Дон-бире (воды много), полноводная река.

²¹ Страбон говорит, что древним грекам известно было только нижнее течение Дуная под именем Истера или Истра.

²² Птолемей (II в.) и Аммиан Марцеллин (IV в.). По-мордовски Волга также называется Ра.

²³ Донье, низовье, дно. Dupen – низовья Рейна.

²⁴ Р. Темза или Тамиза, на которой расположен г. Лондон, в древности называлась Лоно-дон, т. е. широкий дон.

вилегированным сословием, подобным нашим боярам; об этом сословии мы будем говорить ниже. Древние божества с окончанием дон, тон и тун: Посейдон и Нептун – боги воды, моря и Плутон – бог ада, подземного огня (Вулкан), у греков и римлян; Годан или Одан – бог воды у германцев, у славян Водан; Дон-беттер – бог воды у осетин, как Ю-беттер (Юпитер) у древних лидийцев – царь небесный и Юмал – бог добра; отсюда Ю-дан – бог дождя, небесной воды²⁵. Одним словом, название воды или рек «дон» было известно тому доисторическому народу, от которого Eridanus, знаменитая мифическая «река борьбы», получила свое название. Название рек с прибавлением «дон» встречается в языках санскритском и семитических, как то: аравийском, финикийском и других, например: Иордан, с притоком Дан; в Египте Танис или Таникум – один из правых рукавов Нила; Сардон или Сирдон, Ладон, Гесперидон и т. д. В Малой Азии часть исторических рек также имела окончания «дон»²⁶. Но все это нисколько не подтверждает гипотезы некоторых наших ученых о том, что будто бы когда-то существовала какая-то осетинская цивилизация, простиравшаяся на все пространство Европы, западной Азии и северной Африки. Это только доказывает историческую связь арийцев с Кавказом, как и присутствие во всех индоевропейских языках слова «ази, аза, азен и азе», означающего бога, господина, вождя или народного героя. Арийская раса, а какой именно народ, об этом мы будем говорить ниже, господствовала на всем указанном пространстве и свои этимологические особенности языка в более первобытной форме удержала только в одном из своих представителей – в осетинском народе, укрывшемся от чужеземного влияния в дебри Кавказа. По мнению некоторых лингвистов, при помощи осетинской этимологии можно объяснить многие непонятные слова, встречающиеся в арийских языках всех стран. Но это мнение преувеличено, так как осетинская этимология не так уж богата, чтобы ею могли пользоваться европейские языковеды для объяснения некоторых малопонятных или веками утративших смысл индоевропейских корней; в отношении же названий предметов семейно-домашнего обихода вывод этот в некоторой степени верен. Но сходство эти названия скорее всего имеют с языками древнеперсидским, древнеславянским, русским и литовским, но никак уж не с немецким, как об этом трактовал в своих осетинских этюдах в 1881–1887 гг. московский профессор В. Ф. Миллер. Этот языковед в осетинском языке нашел до 600 корней, будто бы имеющих большое сходство с разными немецкими наречиями, чем немало смутил других русских ученых и вселил уверенность в осетинском народе о родственности его с германцами. Одно забыл этот почтенный ученый, что немецкий язык сравнительно недавнего происхождения. Древние германцы, по исследованию известного немецкого географа и историка Кледена, занимались лишь войною и охотой, презирали городскую жизнь, любили ленивый покой, мало имели понятия о торговле, ремесле и промышленности и до римлян даже не знали употребления денег. Следовательно, это были дикие варварские племена, одевавшиеся в звериные шкуры, занимавшиеся лишь войной и грабежами соседей и не оставившие после себя ни памятников искусства, ни письменности, а также и следов языка, на котором они говорили. Недавно в Тевтобургском лесу, в Вестфалии, во время работ землекопы наткнулись в толстом слое торфа на удивительно сохранившийся труп древнегерманского воина.

Хирург, доктор Гротман, и многие археологи, явившиеся на место находки, признали по одежде и оружию в найденном трупе одного из древних тевтонов, так хорошо описанных Тацитом. Тело необыкновенно хорошо сохранилось. Только кожа слегка почернела и местами сморщилась, зубы же остались удивительно белыми, а волосы, очень длинные, сохранили красивый рыжеватый цвет. Черты лица довольно крупны и резки.

С виду германцу лет тридцать, а рост его равняется 1,85 метра. Он был покрыт толстым плащом из темно-коричневой шерсти, с вытканными на нем рисунками. На ногах были кожа-

²⁵ Юмал – Бог у эстонцев.

²⁶ Плиний, V, 29.

ные сандалии, чудесно сохранившиеся, длиной 33 см (около половины аршина). Вот образец германца со всей его цивилизацией.

Нынешний немецкий язык имеет много общего с языками голландским, датским и шведским и отличается от них лишь выговором. Вместе с христианством и вообще римской культурой в него вошли слова и даже целые фразы языка латинского, как развитого и литературного, названия религиозных обрядов, образа правления, законодательные термины, а также наименования разного рода учреждений и проч. Но самое главное – это то, что в язык немецкий вошло много слов литовских и славянских, исковерканных и переработанных на свой лад в течение веков до неузнаваемости. Только современные беспристрастные лингвисты могут разобраться в этом. Некоторые немецкие ученые последнего времени откровенно признаются, что для объяснения значения многих будто бы древнегерманских корней им приходится изучать древнеславянский язык в его многочисленных говорах и наречиях. Дело в следующем: соседями германцев на севере и востоке были многочисленные племена славян и литовцев (Пруссов). Из славянских племен известны: Бодричи – на границе с Данией, Лютичи – в нынешнем Бранденбурге (Бранном боре), Венды, Поморяне – по берегам Балтийского моря, в Померании, к востоку от устьев Одера; Гаволяне, Лужичи, Сербы Полабские (по Эльбе), Силезцы, Великополяне и др. Словом, от р. Рейна, славянской Рины, до Вислы все земли были населены славянами. Тацит в 60 г. по Р. Х. говорит, что германцы не знают еще городов, славяне же строят прочные деревянные дома и укрепленные города для обороны от неприятелей. В славянских землях, говорит Кleden, торговля и ремесла процветали до такой степени, что миссионеры не могли иначе выразить своего удивления, как сравнением Поморья с обетованной землей. У Вендов тоже процветало скотоводство и земледелие, так что в открытых полях находились всяких родов овощи и т. п. Оттуда вывозились соленые и копченые сельди, мед, воск, лен, полотна, пенька, хмель, бревна, доски, смола, поташ, сукна, меха, кожи, сало и копченое свиное мясо, до которого и тогда уже были лакомы германцы. Славяне даже имели свою особую письменность, о чем будем говорить ниже. Начиная с X в. германцы, объединенные Карлом Великим в сильную монархию, наступательно двинулись на восток, покоряя и истребляя одно за другим многомиллионные славянские племена, и под тяжелым гнетом своим шаг за шагом убили их народность и их язык. Вся нынешняя германская низменность есть сплошное славянское кладбище.

Вслед за славянами потеряло свою народность и свой язык под тем же гнетом и литовское племя Пруссы, обитавшие между устьями Вислы и Немана, в Поросье. Славяне защищали свои родные земли отчаянно и с героизмом, но искусственно разъединенные и разобщенные хитрым и дерзким врагом, действовавшим где силой, где интригой и подкупом, легли костями среди своих полей и лесов и под развалинами своих сел и городов. Мицкевич в «Конраде Валленроде» говорит, что нашествие немцев было для славян хуже чумы или другого какого-либо мора, так как при этих бедствиях гибли только некоторые города и села, при нашествии же немцев гибло все:

Где ж сила немцем проходила,
Там целый край уже могила.

Слова эти глубоко верны, ибо они рисуют нам германизм как могилу славянских народностей.

Древние германцы, как сказано выше, жили в лесных шалашах и юртах и занимались лишь войной и охотой, мало имели понятий о торговле, ремеслах и промышленности, а также об архитектуре; не знали и письменности; следовательно, не могли иметь в своем языке тех названий, которые необходимы для выражения понятий о предметах, качествах и действиях

народам оседлым и более культурным. Все это германцы в течение веков должны были поневоле заимствовать от культурных соседей, и главным образом от славян и римлян.

Славянские названия местностей, сел и городов германцы переделали по созвучию на свой лад: Брани-бор, в стране Лютичей, в Бранденбург, Микулин-бор в Мекленбург, Гамбор в Гамбург, Поморье в Померанию, Стрелов в Стрелиц, Лужицу в Лаузац, Будисин в Баунен, Липс в Лейпциг, Русиславу в Руслау, Прусаков в Прайсен, Вельбор в Вилленберг, Выструг в Истербург, Острог в Остерроде, Кролевец в Кенигсберг, Колобрег в Кольберг, р. Лабу в Эльбу, Рину в Рейн.

Немцы уродуют не только чужие слова, но и свои собственные: там, где д, они произносят т; где т, там д; где г, там к; где к, там г; где б, там п и наоборот. Заставьте немца произнести пить, он скажет бить; велите сказать быть, он скажет пить. Славянский плуг они переделали во флюг. Глагол пахать – во флюген – *rflügen*; полк – в фольк; холм, скалу, остров – в гольм – *Holm*; соху – в *Zoche* и т. п. Кто желает убедиться, сколько славяно-русских корней в немецком языке, пусть возьмет сравнительный словарь этих языков и вспомнит при этом историю того и другого народа. Беспристрастный исследователь укажет нам, славяне ли заимствовали слова у немцев или немцы у славян.

Германцы не знали также горного дела: в саксонском горном календаре, изданном в 1783 г., сказано, что славяне первые там начали разрабатывать руду и им принадлежали все первые горные рудники. Все технические горные названия сохранились там по сие время, и названия эти вендо-славянские, выдаваемые немцами за древнегерманские²⁷.

После всего этого спрашивается: какого же языка корни профессор Миллер нашел в языке осетинском? При сравнении, даже поверхностном, словаря осетинского с славяно-литовским, латинским, древнеперсидским и санскритским ясно бросается в глаза, что многие корни этого языка по своему значению общи языкам индоевропейским и более всего сходны с персидскими, языка парси, и древнерусскими. Так, например: газ – гусь, сар – голова (царь), мад – мать, дуар – дверь, аик – яйцо, карн – курица, аз – год, хор – хлеб (кор – корка), манг – обман, тарк – торг, зимег – зима, мест – месть, геди – гадкий, раст – прямой, хорз – хороший, ней – нет, стин – стоять и т. п.

²⁷ Славянское название «немец», венгерское «*nemet*» (сноска 3) означает «неемец», от слав. глагола «не имать», неимеющий, бездомник. Граф от *greifen* – грабить. (Вспомнить историю появления графов.) *Naben* – хапать, как и латинское *capio* – беру, хватаю.

Глава III. Черкесия и ее прошлое

К западу от Осетии, по северным склонам Кавказского хребта, живут черкесы; кличка эта дана им в прежние времена азиатскими народами за их дерзкие разбойнические нападения на море и означает в буквальном переводе «головорезы» (по-персидски серкеш – головорез). Обыкновенно черкесами называют все племена горцев, населяющих восточный берег Черного моря от устьев Кубани до пределов Абхазии, но такое обобщение не совсем верно, потому что эти племена отличаются друг от друга как по своему происхождению, так и по языку. Собственно, к черкесам относятся одни только «адигейцы», самое красивое племя из кавказских горцев. (Адиге – остров на всех языках Кавказа.) Адигейцы разделяются на многие племена, из которых натухайцы и шапсуги в половине прошлого столетия занимали ближайшие к нашим границам земли от Анапы до р. Вардан.

Эти два племени, сходные по происхождению, говорят одним языком, с небольшим различием в наречии, и составляют население в 150 тыс. душ. Адигейцы имеют свою азбуку и даже грамматику.

Из других черкесских племен в прошлом веке были известны: тюкайцы, темиргойцы, безсленеевцы, хегайковцы, абадзехи, бжедухи, гизе, мохошевы, убыхи, кемгуй, кабардинцы и др., всего около 527 000 человек²⁸. Число черкесов значительно уменьшилось вследствие массовых выселений в Турцию после Крымской войны; дальнейшие выселения после войны 1877—78 гг. и в 1889—90 гг. низвели число их до 152 тыс. Шапсуги и убыхи выселились все, абадзехи и бжедухи наполовину. Они поселились в Азиатской Турции около озера Ван, близ Ерзерума и Трапезунда и теперь представляют в Турции иррегулярную кавалерию, известную под названием «баши-бузуков», тоже – головорезов. В прежние века некоторые племена черкесов, живших на подгорных равнинах, подчинялись крымским ханам, но шапсуги и кабардинцы вели в продолжение 200 лет такую ожесточенную войну с крымцами, что целые племена их были истреблены до одного человека, например племя хегайковцев.

В конце XVIII века силою судеб на Кавказе, на р. Кубани, появляется новый, сильный и оригинальный народ, и именно в то время, когда стала разгораться борьба России с горскими племенами. Это были запорожские казаки, переселившиеся туда из Добруджи и других мест и ставшие лицом к лицу с дикими и воинственными соседями. Расположившись на привольных кубанских берегах, Черноморское войско нашло на отведенных ему местах остатки сильных черкесских племен, воевавших с ногайцами, а иногда и вместе с ними вносивших опустошение и меч за Дон, в глубь русских земель.

Запорожцы в первые годы своего пребывания на новых местах жили с черкесскими племенами мирно, взаимно изучая и интересуясь друг другом, а потом завели даже дружбу и куначество. Видимо, новые соседи ценили друг в друге удаль, отвагу и рыцарский дух. Затем, с развитием борьбы России с черкесскими племенами, запорожцы приняли в ней деятельное участие, покрыв вновь славой свое древнее рыцарское имя.

Сохранилось предание, записанное В. А. Потто, что всю местность и все разливы близ устьев Кубани занимало некогда хегатское племя, ближайшее к владениям крымских татар, а к юго-востоку от них обитали жанинцы – сильный и страшный для соседей народ, выставлявший до 10 тысяч превосходных всадников.

Жанинское племя было некогда на Кавказе сильным и могущественным, резко отличавшимся от других черкесских племен своею отвагою, гордостью, духом независимости и пламенным характером. Жанинцы исповедывали чуть ли не с первых веков нашей эры христианскую веру и говорили на славянском языке. Собственно, это были не черкесы, а кубанские

---

²⁸ История войны и владычества русских на Кавказе. Дубровин. 1835.

«черкасы», древнее и сильное славянское племя, черкасское казачество, о котором будем говорить ниже. Хегатцы и жанинцы в течение нескольких веков с отчаянным упорством отстаивали свою веру и независимость; часть их раньше, в X, XI и XII вв., переселилась на Днепр, а остальные в конце концов погибли в неравной борьбе с врагами; остатки их в семидесятых годах XVIII в. были истреблены чумой. Запорожцы на их месте нашли лишь несколько бедных хижин, разбросанных по Кара-Кубанскому острову. О христианстве древних кубанских черкасов свидетельствуют сохранившиеся донные многочисленные развалины храмов, чтимых как святыни не только нынешними черкесами – христианами, но даже и магометанами: об этом также говорит барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московитских делах», составленных в 1517–1526 годах. Этот выдающийся ученый писал, что «около болот Меотиды и Понта (Азовского и Черного морей), при реке Кубани, впадающей в болота, живет народ Афгазы (Абхазы). В этом месте вплоть до р. Мерузы, вливающейся в Понт, находятся горы, по которым живут черкесы или цики (сиги или чиги Страбона). В надежде на неприступность гор, они не повинуются ни туркам, ни татарам. Однако русские свидетельствуют, что они христиане, живут по своим законам, согласуются с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении. Это самые дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, текущим с их гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Кафы в Константинополь». (Стр. 159 и 160).

На карте Московии, составленной по Герберштейну²⁹, в углу между Азовским морем и Кавказским хребтом, именно в том месте, где протекает р. Кубань, отмечено средним шрифтом CIRCASI POPULI, т. е. черкасские народы, а к северо-востоку, на меридиане Крестового перевала, приблизительно там, где ныне Пятигорье, отмечено мелким шрифтом: черкасы пятигорские. Выше черкасов, там, где ныне северная часть Кубанской области и Ставропольская губерния, крупным шрифтом отмечено: TARTARIA, Татария, а по нижнему течению Волги, по обоим сторонам, – ногайские татары.

Кубанские черкесы, вернее черкасы, продолжали быть христианами и во второй половине XVI века, при царе Иване Васильевиче Грозном. Карамзин в V главе, т. VIII, своей «Истории Государства Российского» говорит:

«Кроме Ногаев, послушных князю Исламу, верному союзнику России, и донских казаков, царь имел на юге усердных слуг в князьях черкесских: они требовали от нас полководца, чтобы воевать Тавриду, и церковных пастырей, чтобы просветить всю их землю учением евангельским. То и другое желание было немедленно исполнено: Государь послал к ним бодрого Вишневедского и многих священников, которые в дебрях и на скатах гор Кавказских, основав церкви, обновили там древнее христианство». Ученый миссионер времен царя Алексея Михайловича, родом кроат, посетивший Россию и пробывший в ссылке в Tobольске около 15 лет, в оставленных им записках ясно говорит, что черкесы – славянского племени и исповедуют христианскую веру. В подтверждение этого мнения можно привести еще следующее обстоятельство. В 1865 году наш отряд, прорубавший в девственном лесу просеку между Туапсе и Шахэ, в урочище Хан-Кучий, раньше населенном истребленным черкасским племенем христиан ханучей, нашел на одном из старых гигантских дубов вырезанную древнеславянскими буквами надпись следующего содержания: «Здесь потеряна православная вера. Сын мой, возвратись в Русь, ибо ты отродье русское».

²⁹ Базельское издание «Записок», 1556.

Современные этнографы обыкновенно относят черкесов к тюркско-татарскому племени. Но это не совсем верно, так как среди массы населения попадаются на каждом шагу не только отдельные лица, но даже целые аулы с чисто арийскими профилями, овалами лиц и выражением глаз, усмешкой и ухватками, до поразительности схожими с казачьими, особенно казаков терских. Темно-русые волосы на голове, светлые с красниной на усах, высокий лоб, прямой, немного с горбиной нос, подобранный подбородок и серые или светло-карие глаза дополняют это сходство, но иллюзия тотчас пропадает, когда заговоришь с ними по-русски: они ни слова не понимают. В особенности достойны изучения в этом отношении жители аула Карм, расположенного к северо-западу от Эльбруса. Масса лиц встречается и с тюркско-татарскими типами, но в большинстве черкесское население, как бы оно разнообразно ни было, имеет свой особенный облик, свойственный всем горским народам Кавказа: угрюмое, почти злое выражение лица и черных глаз, сухой и гибкий стан, с тонкой талией и широкими плечами, горбатый, часто семитический нос, высокие голени с небольшой стройной ступней.

Селения черкесов обыкновенно расположены в живописных местностях, но разбросаны без всякого порядка и скрыты за деревьями, увитыми виноградными лозами так, что издали трудно бывает их заметить. Жилища их – это древние запорожские курени: продолговатый четырехугольник из плетня, обмазанного глиной, с очагом посредине и с навесом (причолком) у входной двери. Над очагом к соломенной крыше подвешена высокая плетенная из хвороста и обмазанная глиной труба. Внутри по стенам развешено дорогое оружие. Вокруг печи приделаны полки или подвешен шкаф для посуды. Широкие, низкие кровати, покрытые войлоком или коврами, и небольшие круглые столы, расставленные в разных местах комнаты, завершают ее украшение.

Для объяснения всего вышесказанного обратимся к древней истории этой интересной страны, которую осетины и до сих пор называют казакией, и ее загадочного народа, известного у греческих и римских историков и географов под многими разными названиями. Страна эта обнимала все пространство, простиравшееся по восточным берегам Азовского и Черного морей, от нижнего течения Дона до предгорий Кавказа.

Еще задолго до появления в этих местах греков финикийцы, имевшие уже сильный торговый флот, плавали по Черному морю и заходили до той дальней восточной «земли», куда их, как и позднее греков, привлекала молва о золотых россыпях и о богатстве далеких баснословных стран.

В этих странствованиях финикийцы из Черного моря заходили в Азовское, в р. Дон и по р. Манычу, которая в то отдаленное время была многоводна и служила проливом между Азовским и Каспийским морями, – проникали в р. Волгу и Урал, куда из стран Приуральских действительно могло доставляться золото. О пребывании на берегах Маныча финикийцев свидетельствуют найденные лет сорок тому назад в берегах большого манычского озера Гудилы остатки древнего финикийского корабля, построенного из очень крепкого дерева с медными гвоздями. Устье р. Дона в то время было гораздо выше нынешнего, и, быть может, Манычский пролив вливался прямо в древнюю Меотиду, т. е. Азовское море³⁰. Кроме золота, купцы вывозили из этих мест и другие металлы, рыбу, какой нет в других морях и реках, как напр. красную, мед, воск, пушной товар и хлеб.

Древние писатели говорят также о плаваниях по Черному морю карийцев, бывших то союзниками, то соперниками финикийцев.

Развившееся впоследствии мореходство у греков заставило финикийцев уступить свои рынки этим последним и прекратить свои экспедиции в эти страны.

С VII и VI в. до Р. Х. греческие торговые колонии, милетские, уже появляются по берегам Черного и Азовского морей, как напр. Синоп (на южном берегу Черного моря), Фазис,

³⁰ Географическое развитие дельты р. Дона в связи с ее заселением. В. В. Богачев.

Диоскурий (на восточном), Пантикапея, Нимфея, Феодосия и Ольвия (на северном). Дорические колонии: Гераклия Понтийская, Херсонес Таврический и др. Ионийские: Фанагория на Таманском полуострове, Пантикапея, как расположенная при Керченском проливе (Босфор Киммерийский), близ нынешнего города Керчи, держала в своих руках всю рыбную и хлебную торговлю восточной половины Скифии; р. Танаис (Дон) и Волга представляли удобный путь для привоза продуктов дальних, северных и восточных стран.

Таманский полуостров представлял группу островов между рукавами Гипаниса (Кубани); здесь находились города: Фанагория, Кепы, Гермонасса, Киммерион, Ахиллеон, Апатурон и др. Несколько южнее, к берегу Понта (Черного моря), лежала «гавань синдов» (индов) и Горгиппия. Древнейшие обитатели Босфора были Киммериане, полудикое первобытное племя. О господстве их прямо говорят Геродот и Страбон. Их вытеснили скифы³¹.

Восточные берега Азовского моря до Кавказских гор в V в. до Р. Х. занимали племена сарматов или савроматов. Греки, строя свои города на землях этих народов, становились первоначально в зависимость от них или платили им дань за занимаемую землю. С одной стороны, им приходилось бороться с этими племенами, с другой, благодаря неизбежному смешению с греками, племена эти перенимали греческий язык и культуру и превращались таким образом в полугреков; так, например, Гелланик называет эти народы миксэллинами.

Основание Пантикапеи относят к 511 г. до Р. Х., т. е. к промежутку между походом Дария на скифов и разрушением Милита персами. В V в. она уже стояла во главе союза босфорских греческих городов, носившего общее название Босфора. В 438 г. до Р. Х. один из туземных князьков, именем Спартак, соединил под своею властью оба берега Босфора и положил таким образом начало Босфорскому царству, просуществовавшему до конца II в. до Р. Х., а потом пришедшему в упадок и покоренному Митридатом – царем понтийским³².

В тот же период времени, т. е. около VI и V вв. до Р. Х., босфорскими греками в устьях Дона (Танаиса) был основан новый город под названием Танаиды. Эта греческая колония, выдвинутая далеко на северо-восток, глубже всех прочих колоний, во времена Геродота (V в. до Р. Х.) не считалась уже новым городом и имела значение в торговле Греции по вывозу невольников, рыбы, выделанных мехов, сыромятных кож и хлеба. Чрез нее ввозились предметы греческой культуры, как то: сукна и другие ткани, вина, оружие, посуда, разные металлические изделия и мелкие товары.

Около Рождества Христова Танаида достигла цветущего состояния и сделалась самым оживленным пунктом для торговых сношений греков с восточными народами. Вскоре она была разрушена до основания понтийским царем Пелемоном, ставленником Рима, завидовавшим ее процветанию, так что во времена Плиния (I в. по Р. Х.) город этот уже не существовал.

По археологическим изысканиям позднейшего времени, а также раскопкам хранителя музея Императора Александра III А. А. Миллера, произведенным в 1908–1910 гг., в достаточной степени установлено, что древняя Танаида (первая) была расположена близ нынешней Елизаветовской станицы. Город этот находился на острове, незатопляемом в половодье, окруженном водой: с севера – рукавом Дона, проходившим по ерику Дугину (теперь – Камышовое болото), с востока и юга – Доном и полузаглохшим ныне ериком Казачьим, а с запада – морем, которое в то время, надо полагать, простиралось выше нынешнего своего местоположения.

Найденный А. А. Миллером при раскопках в указанном месте материал по стилю золотых вещей, керамике, по клеймам на глиняных амфорах относится к V–III вв. до Р. Х. и должен быть разделен на две категории: 1) предметы греческой техники, служившие местным туземным жителям при торжественных случаях народной жизни, и 2) предметы туземного производства, употреблявшиеся в повседневной жизни. Первые найдены в могилах, вторые – при

³¹ Русские древности в памятниках искусства. И. Толстой и Н. Кондаков, Вып. 1. СПб. 1889.

³² Страбон, VII, 4, 4.

раскопках городища и особенно жилищ. Могилы устроены по одному образцу: они представляют собою прямоугольные или квадратные ямы, глубиной около одного метра, со стенками, обложенными толстым слоем местного камыша.

Скелеты расположены большею частью головой на запад, при этом в ногах всегда находятся амфоры и другие глиняные сосуды и кости лошадей, ожерелья, шейные обручи (гривны) и оружие обыкновенно лежат на своих местах. Ввиду чрезвычайной сырости почвы бронзовые и железные изделия совершенно уничтожены ржавчиной. Внешняя форма могил почти всегда курганы полушаровидной формы, обложенные вокруг кольцом – оградой из камней.

Из этих погребений можно вывести заключение, что в древней Танаиде жили богатые скифы – славяне и греческие купцы, сносившиеся с Грецией, а большею частью с Пантикапеей, выходцами которой Танаис и был основан³³.

Самое городище расположено посредине курганного могильника. Оно очень обширно и состоит из двух частей, окруженных валами. При этом внутренний вал значительно больше наружного. Верхний слой почвы состоит почти целиком из мусора, черепков, пепла, угля, черепицы, остатков пищи (кости рыб, баранов, птиц и лошадей), каменных грузил от сетей, остатков построек из необтесанного камня-дикаря, скрепленных глиной и крытых камышом или черепицей, и стеклянного шлака. Последний факт указывает на практиковавшееся здесь производство стекла.

Городище все изрыто кладоискателями почти за две тысячи лет до нас. На окраине его курганный некрополь (кладбище). Можно установить и место акрополя (крепости).

Ниже г. Танаиды, в ста стадиях от него, т. е. около 17–20 верст, Страбон указывает населенный разными племенами остров Алопекию. По исследованиям геолога В. В. Богачева, остров этот мог находиться близ нынешнего села Кагальника. Через сто лет после разрушения Танаиды в устьях Дона возрождается новый город, и уже не на прежнем месте, так как, по-видимому, река там к тому времени сильно обмелела или отошла по другому руслу, а на правом берегу Мертвого Донца, близ нынешнего хутора Недвиговского Елизаветовской станции. Местность эта сильно изрыта: раскопками открыто два курганных некрополя; найдены остатки валов, фундаменты капитальных зданий, а также многие предметы и надписи на камнях и монетах, ясно свидетельствующие о существовании здесь торгового города со смешанным населением, управлявшегося архонтами³⁴ и имевшего сношение с Босфором. Гавань этого города, носившего название Танаиды 2-й, была доступна для морских судов. В IV в. по Р. Х. он был разрушен гуннами, так что к концу этого века о нем уже не упоминает ни один из византийских писателей. Степи, прилегающие к Меотиде, представляли обширные пастбища для скота кочевых народов, которые, по словам Страбона (VII, 3, 17), «жили в различных местах, смотря по тому, какое из них в данное время обладает хорошими пастбищами, – зимою на болотах около Меотиды, летом на равнинах». Кроме скотоводства, местные жители занимались в обширных размерах хлебопашеством и рыболовством, в особенности на восточных берегах Азовского моря. Страбон также говорит о разведении в босфорском царстве и винограда, где его на зиму, по причине холодов, закапывали в землю; но плоды этой лозы были мелки (II, I, 16 и VII, 3, 18). О процветании земледелия в древнейшие времена на равнинах нижнего Дона и в особенности Кубани указывает существовавшее в то время поклонение в этих местах богине земли, именуемой «Апия, Опия и Опис», отсюда распространенное название этой богини «Европия» или «Деметер» (Dea Mater), которой, по словам Геродота, гиперборейские или северные девы приносили в жертву пучки пшеничных колосьев как первые плоды своих полей. На это указывают также найденные в курганных раскопках на Таманском полуострове изображения на разных предметах, бляхах, ожерельях, стенах могильников и проч.

³³ О погребальных обычаях языческих славян. Исследование А. Котляревского. Москва, 1868.

³⁴ Старейшинами.

хлебных колосьев, цветов мака, домашних и диких животных, плодовых деревьев, сошников и проч., а позднее – виноградных гроздьев.

Во время Геродота и его современника Гиппократ, т. е. в V в. до Р. Х., на юге нынешней России и в Приазовье климат был гораздо суровее, чем теперь. В течение восьми месяцев, говорит Геродот (IV, 28), там стоял нестерпимый холод, а пролитая в это время на землю вода не делала грязи, разве разведешь огонь. Азовское море и Керченский пролив, даже часть Понта, как говорит Помпоний Мела, замерзали так, что живущие там свободно переезжали через пролив с одного берега на другой на телегах с тяжестью. В остальные четыре месяца также стояли холода и шли непрерывные дожди. Гиппократ:

«...с севера постоянно дули холодные ветры, южные же доходили редко и то слабые. Густой туман окутывал днем равнины: люди жили в сырости, вдыхая сырой туман... так что там постоянно был холод, летняя же жара всего несколько дней и то не сильная... Жители зимой и летом употребляли одну и ту же пищу и носили одну и ту же одежду. Воду пили из снега и льда; телесных упражнений никаких не имели. По этим причинам сложение у них толсто и дородно, суставы мокры и бессильны, а желудки очень отягощены мокротами, особенно нижний. Да и невозможно, чтобы тело несколько просыхало в таком крае, по одним уже свойствам природы и времен года... Женщины одутловатого сложения»...

Геродот:

«лица у жителей от холода белые и веснушковатые... Тело безволосое. Волосы белокурые, глаза голубые».

Ко времени Р. Х. климат в Приазовье, по-видимому, стал еще суровее. Диодор Сицилийский (III, 34) говорит, что вследствие чрезмерного мороза замерзают там величайшие реки, и по льду переходят войска и нагруженные телеги; замерзает и вино и другие жидкости, так что их откалывают ножами, и, что всего удивительней, оконечности людей отпадают, перетертые одеждой, глаза помрачаются, огонь не дает защиты и бронзовые статуи лопаются. Овидий (I в. по Р. Х.) в своих «Понтийских письмах» (1, 3, 34) говорит:

«Что хуже скифского мороза? Лежу я, покинутый на песках края земли, где все засыпано постоянно снегом. Поля не родят здесь ни яблок, ни сладких гроздей, не зеленеют ивы на берегу, ни дубы на горе. Нельзя и море похвалить большие земли: постоянно под яростью ветра вздымаются волны, которых не освещает солнце (50–54). Лежит снег и не сгоняет его ни дождь, ни солнце, борей делает его твердым и вечным. Так что пока не сошел еще прежний, идет уже новый и во многих местах остается двухлетний снег... Без бочек стоят вина, сохранившие форму сосудов: пьют вино не черпая, а давая кусками» и т. д.

Страбон также приводит целый ряд свидетельств о скифском холоде: «Лошади малы, скот велик, лопаются бронзовые гидрии, а их содержимое замерзает... Рыбы, замерзшие во льду, вырубаются так называемой гангапой³⁵.

Нет сомнения, что описанные южанами-греками страхи о холоде преувеличены, но астрономические и геологические данные действительно подтверждают, что в то время в нашем Северном полушарии было холодней, чем в Средние века; что самый теплый год у нас был 1262 и что с этого времени наше полушарие вновь постепенно замерзает и высыхает. Это наглядно

---

³⁵ У казаков и теперь в употреблении есть орудие, вроде большого долота с рукоятью, для рубки льда, называемое «семенем», а для вытаскивания крыг из полыни и рыбы – «ганчей».

подтверждается следующими доводами: во времена Страбона, т. е. в I в. до Р. Х. виноград произрастал только на Босфоре, в Средние же века культура его распространилась по северной Германии, Бельгии и даже Англии. Теперь в тех местах о виноградниках уже нет и помину. Даже в северной Франции и средней Германии он не вызревает и разведение его постепенно отодвигается к югу.

Дон, по Страбону, впадал в Азовское море двумя устьями, отстоявшими одно от другого на 50 стадий, около 8—10 в.³⁶ Дионисий (I в. до Р. Х.) в своем землеописании говорит:

«...посреди беспредельного леса впадает Танаис (Дон) в угол Меотиды (Азовского моря), отделяя Европу от Азии: к западу Европа, к востоку Азия».

В этих местах в древности водилось множество всякого рода диких животных, даже барсы. Из домашних наибольшим уважением пользовались лошадь и землепашец-вол. По преданию скифов, записанному Геродотом (IV, 5—7), плуг, ярмо, секира и чаша, сделанные из золота, упали с неба и достались во владение младшему из трех сыновей родоначальника их Таргитая, именовавшихся Аксаями, — Кол-Аксаю. Предметы эти у них считались священными. По Курцию (VII, 8, 8) скифы на требование о покорности ответили Александру Македонскому:

«Нам даны были дары, если ты хочешь знать скифский народ: ярмо для волов, плуг, копье, стрела и чаша. Их употребляем мы с друзьями и против врагов. Мы даем друзьям плоды, добытые работой волов, из чаши вместе с ними совершаем возлияние богам, врагов поражаем вблизи копьем, вдали стрелою!»

Трог Помпей, писатель I в. до Р. Х., пользовавшийся, кроме Геродота, какими-то несохранившимися документами, говорит: «скифский народ всегда считается древнейшим, хотя долго был спор о древности рода между скифами и египтянами (Iustinus, II, I).

---

³⁶ По исследованиям геолога В. В. Богачева, дельта Дона выдвигается на $\frac{3}{4}$ версты в столетие. За 19 $\frac{1}{2}$ веков она выдвинулась в море приблизительно на 15 верст. Следовательно, против нынешней Елизаветовской станицы, где был древний г. Танаида, ширина дельты действительно была около 8—14 верст и море подходило к самому городу.

Глава IV. Кто были скифы-сарматы?

За изучение и критический разбор древнерусских летописей, как это ни странно и не больно для самолюбия русских людей, взялись впервые иностранцы и особенно немцы. Все выдающееся в истории Руси ими нарочито или замалчивалось, или искажалось; все характеристическое русское они старались присвоить своей расе и даже нередко покушались отнять у нас не только славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но и племенное имя – имя руссов, известное исстари, как славянское.

Во главе таких критиков славяно-русских летописей стоит Август Людвиг Шлецер, случайно попавший (в 1761 г.) в Россию (по приглашению придворного историографа Г. Ф. Миллера), а потом ставший членом нашей академии наук.

В своем труде «Нестор. Русские летописи», изданном на немецком языке и переведенном Языковым на русский в 1809–1810 гг., Шлецер, переставляя и выбрасывая произвольно слова (из Ипатьевского списка), сделал вывод, что варяги – народ германского племени, живший по берегам Балтийского и Немецкого морей, и что Руссы принадлежат к этому же племени и могут означать шведов. Выводы Шлецера усиленно стали повторять его соотечественники, а потом и наши историки, не разбираясь в том, что продают славу своей родины и ее великое прошлое. Эта инертность и нежелание разобраться в многочисленных источниках, прямо говорящих о славянстве древних Руссов, поразительны. Впрочем, мы привыкли перенимать все целиком от запада и во всем ему верить, в особенности немцам.

Из позднейших наших историков один только Иловайский восстал против шлецериянства, т. е. германского происхождения Руссов, в своем труде «Розыскания о начале Руси» 1882 г., но все-таки целиком отнес варягов к норманнам, что, как мы увидим ниже, не следовало бы делать.

Материалы, служившие для созидания древнейшей славяно-русской истории, много веков лежали под спудом, не разобранные, не рассмотренные и не пропущенные сквозь горнило здоровой и беспристрастной критики, подобно тому, как Геркулан и Помпея скрывались около двух тысячелетий под пеплом. Между тем история славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетенные в быт всех европейских народов, при строгом разборе которых Русь сама собою выдвинется вперед и покажет все разветвления этого величайшего в мире племени.

Хотя путь к тому, по обширности своей, довольно трудный, но уже несколько знакомый: по нем пускались и вели ожесточенную борьбу с скандинавоманией Ломоносов, Катанчич, Венелин, Шаффарики, Савельев-Ростиславич, Морошкин, Надеждин, Боричевский, Чертков, Вельтман, Лукашевич и многие другие, и, скажем с благодарностью, не без успеха. В особенности потруился над этим вопросом во 2-й половине прошлого столетия Егор Классен, а до него исследователь славяно-русских древних археологических памятников Фаддей Волланский. Трудность в изучении этих памятников заключается в том, что исследователю необходимо знать все главнейшие славянские наречия и происшедшие в течение веков перемены в них от внутреннего развития слова и от соседнего влияния; также необходимо знакомство с характером, нравами, обычаями, домашним бытом и внутренним движением славянского мира.

Мы знаем, что история не должна быть пристрастной к данному народу, но не дозволим и мало осведомленным иностранцам, как например шлецериянцам, обращать русскую историю в сатиру.

Может быть, русские последователи Шлецера, не разбирая сущности дела, по одному влечению к этому, по их словам, величайшему критику вступятся за своего кумира, но, чтобы наперед охладить жар этой партии, выводящей, посредством невозможных натяжек, огром-

нейшее племя Руссов, занимавшее некогда половину Европы, из крошечного скандинавского народца, напомним им, что их «великий критик и филолог» производит чисто славянское слово «дева» от германского «Tieffe» (сука). Одного такого факта достаточно, чтобы понять Шлецера без дальнейших исследований его доводов. Но чтобы опровергнуть это грубое ложечие, что будто Россия развила свои силы от влияния на нее скандинавов и что самое имя свое она получила от них же, мы представим здесь материалы, которых, как говорится, тля не тлит и ржа не разрушает.

Эти материалы состоят из племенных названий, рассеянных по всем историям и ныне очищенных критикой от переклада их на языки греческий, римский, татарский, немецкий и скандинавский и доведенных ею до своего прототипа; также названия городов, живых урочищ, городища, могилы, клады, насыпи, развалины, монеты, медали, кумиры, оружие, сохранившиеся местами остатки славянского языка, нравы, обычаи, поверья, порядок ведения войны, а главное – остатки древнейшей славяно-русской письменности. Эти памятники ясно свидетельствуют, что предки наши, славяно-русы как народ существовали ранее греков и римлян и оставили после себя следы, указывающие о их существовании, а также о своем искусстве и просвещении.

Греки и римляне давали многим славянским племенам свои, произвольно составленные прозвища, относя их то к местности, то к наружности, то к суровости в войнах, то к занятиям и образу их жизни. От этого в древней истории накопились сотни лишних имен, ничего в этнографическом отношении не означающих; но кой-где выплывают и настоящие имена тех племен. На них-то главным образом мы и остановимся.

Древнейших обитателей восточной Европы, берегов Азовского и Черного морей, части Малой Азии и степей Закаспийских греки называли общим именем *скифов* и делили их на несколько племен³⁷. Из этих племен наиболее известны: саки, парфяне, давы, массагеты, варки или урки и гирки – гиркамцы, сколоты и сарматы. Давы (Dahves, греческ. *Daoi*, лат. *Dahae*) были одним из главных скифских народов Передней Азии и берегов Каспийского моря (Страб. II, 508, 511. Плин. Ест. Ист. 6, 19, 33 и 37). В VI в. до Р. Х. даги были под властью персов. В это время некоторые племена дагов покинули свою страну и поселились по соседству с Арменией. Другая часть этого народа переселилась в Самарию (Ездра: 4. 9). Это произошло, надо полагать, после того, как родичи их скифы с берегов Черного моря проникли в Вавилонию, Сирию и Палестину, образовав там свои поселения, из которых азиатским грекам был известен город Скифополис, на месте еврейского Вифесаиана. Третья часть дагов около V в. до Р. Х. перешла на берега Азовского моря, а потом утвердилась во Фракии, образовав там народ, известный в истории под именем *даков* или *дациан*, двинувшийся впоследствии (в VIII в.) в верховья Дуная.

Следовательно, название «скиф» не было родовым именем этого народа, в чем сознается и сам Геродот, говоря: «Общее название всех скифов, по имени царя их – Сколоты; скифами называли их эллины». Персы называли этот народ саками.

Барельефы на колоннах дворца в Персиполе и на скале в Багистане (Манифест Дария Гистаспа), на которых саки изображены в характерных скифских одеждах, с надписью под ними: «это сак», и теперь свидетельствуют, что персы скифов называли этим именем. Соседями европейских скифов, по словам Геродота, были сарматы или савроматы – *Saurmatai*, *Suromatai*, *Surmatai* *Sauromatai*, жившие по левой стороне Нижнего Дона до Кавказа, к востоку от берегов Азовского моря, и говорившие на одном из скифских наречий. Об этом свидетельствуют Геродот (IV, 117) и Овидий. Последний говорит, что, научившись говорить по-гетски и по-сарматски, он мог слушать речь старика варвара, т. е. скифа³⁸.

³⁷ Геродот. I–IV и VI. Юст. 1, 8. XI, 1. Стр. VII и XI. Плин. Ест. Ист. и др.

³⁸ Овидий. Понт. посл., III, 2, 39.

Позднейшие, после Геродота, историки, как то: Страбон (I в.), Птолемей (II в. по Р. Х.) и др. к сарматским племенам относят Яцигов, Алан и Роксолан (рос-алан). Яцигов или Адзигов разделяют на три касты: на королевских, сидевших у Черного моря, а потом у Дуная, на хлебопашцев – у Азовского моря и на Яцигов-меченосцев (по греческому выговору «метанасте»³⁹).

Название «сарматы», как и «скифы», не было собственным именем этого народа, а дано было понтийскими греками, часто сталкивавшимися с жителями названных местностей только по делам торговли, на народных торжищах, и, надо полагать, не со всею массою, а только с известною корпорацией промышленников и торговцев, привозивших на эти торжища произведения и изделия своей и соседних стран. Как в древности, так и теперь на этих торжищах, или ярмарках, известного рода торговцы-промышленники располагаются в отдельных местах, по предметам торговли, как например: меховщики, кожевники, сыромятники, сапожники, железняки, рыбники, медовщики, бредники и др. Сыромятные кожи и меха были главными предметами вывоза из Скифии и Сарматии. Греки их поставляли во все южно-европейские страны. Из таких кож выделялись конская сбруя, воинские щиты и проч. Следовательно, прозвище «сарматы» или «савроматы» и «суроматы» произошло от «сыромяты», т. е. сыромятники, выделятели сыромятных кож⁴⁰.

Диодор Сицилийский говорит, что сарматы вышли из Мидии. Их переселили на Дон скифы. Но почему же греки их не называли мидийцами, а сарматами или савроматами? Венилин искал в греческом языке корень этого слова и производил слово «сармат» от ящероглазый. Другое слово это производили от персидских «сар» – господин, голова и «мада» – женщина, от господства будто бы у этого народа женщин. Проф. Страсбург. ун. Ф. Г. Бергман (1860) слово «сарматы» переводит «люди севера», от Shauro – север и mates – люди (мидийское mat и древнее mant). Но по отношению к какому же народу они были северянами – трудно сказать. По древнему писанию, они жили у истоков Инда, затем южнее Мидии, а во времена Геродота в нынешнем Задонье. Как они назывались в древности, мы не знаем, но только нам известно, что этим именем их назвал Геродот в V в. до Р. Х., а за ним стали повторять эти названия и все греческие историки. Следовательно, приведенные мнения являются ошибочными. Первоначальные сношения греков со скифами были на путях торговли. Известно, что на ярмарках спрашивают купцов и промышленников по товару, а не по стране, в которой они живут, и не по цвету и быстроте их глаз. Греки спрашивали, приехали ли кожевники (сыромятники), лунтайники, малахайники, рыбники и др. Скифы, как скотоводы, в большом количестве производили сыромятные кожи и продавали их грекам. Этот товар составлял одну из главнейших ветвей торговли. Вот почему греки и римляне, несмотря на постоянные войны с сарматами, всегда оказывали им предпочтение пред другими соседними народами и старались переселять их в свои владения, даже пленных не продавали в рабство, а пристраивали к излюбленному их ремеслу. Если принять это в основание, то нам будет ясно, почему древние историки писали скифы-сарматы, веныды-сарматы, алане-сарматы и проч. Фракийцы также имели сыромятников, которых греки называли Σαυρματαί. Во многих местах Малороссии и теперь называют сыромятников

³⁹ Греческое название этого народа историки переводят как Ясиги, Яциги, Азиги, Языги и Зыхи, Зихи, Зиги, а иногда и Сиги, даже Циги, Цинги и Цихи. Это не совсем верно. В греческих подлинниках после начальной буквы Α стоит дзета, произносимая как ДЗ. Правильное произношение этого названия по-русски будет с начальной Α – Адзиги или Адиги, каковым именем и теперь себя называют нынешние черкесы, испорченным под тюрским влиянием: эдыге, ыдыге и адыгэ. Без начальной Α – Дзиги или Чиги. Азовские Яциги двигались на запад вместе с роксоланами. Часть их, оставшаяся в Венгрии, и до сего времени существует под именами ячагов и русияков. Место между Пестом и Гевесом и теперь называется Ячаг. Там вырыт лет 60 назад золотой кубок с древнеславянскою надписью: Булд жупан теси луге: Тойги бу Таул жупан, Тагрогитциги танси. В переводе на русский язык: Был жупан тише луга: То был Таул – жупан, Тагрогитцигов утаивший (укрывший). По Птолемеев в том месте действительно сидели Тагры и, как видно из приведенной надписи, яциги, которых Таул – жупан (гетман, князь) укрыв в горах от полчищ Траяна, громившего славянские племена по этому пути.

⁴⁰ Классен. Материалы для истории славяно-русов. Выпуск II. 1854 г.

– сырмате и кожемяте. Греки не выговаривают звука Ы и потому писали сармата, сурмата и саурмата – Saurmatai.

«Сколоты» – также слово славяно-русское. В великорусском наречии название «сколоты» означало хлопотуны, сколотин-хлопотун, от глагола колотить, сколачивать, выколачивать. Так называли купцов, торгашей, шибает. Впрочем, в России есть несколько речек с подобным же названием, как то: Сколотка (Хар. губ.). Колота (Варш. губ.), Колоча (Смолен. губ.), Колокша (Яросл. губ.) и др. Жители Южной России, как думает Классен, названы Геродотом «сколотами» со слов только одного правителя племени, с которым он лично беседовал. Речь, по всей вероятности, шла о русских купцах-хлопотунах, людях суетливых, требовавших себе скидки или прибавки, как это делается и теперь. Геродот и правителя этого племени назвал именем Сколот. Но мнение это едва ли верно. Ведь не все же европейские скифские народы, жившие на пространстве от Каспийского моря до Дуная и далее на север на 20 дней пути, считая день по 200 стадий (около 640 000 кв. в.), были купцами и шибаями, чтобы их Геродот назвал этим случайным именем. Поищем другое объяснение этому слову. Хотя, несомненно, все ниже приведенные названия будут нарицательные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.